

A1 7/109

А. Любичъ-Кошуровъ.

300 ЛѢТЪ
ДОМА РОМАНОВЫХЪ.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ НА РУСИ.

Избраніе на царство МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА РОМАНОВА.

МОСКВА,
Тип. И. Ф. Смирнова, Б. Дмитровка, уг. Космодам. пер., д. Чуксиной.
1911.

І. А. Людичъ-Кошуровъ.

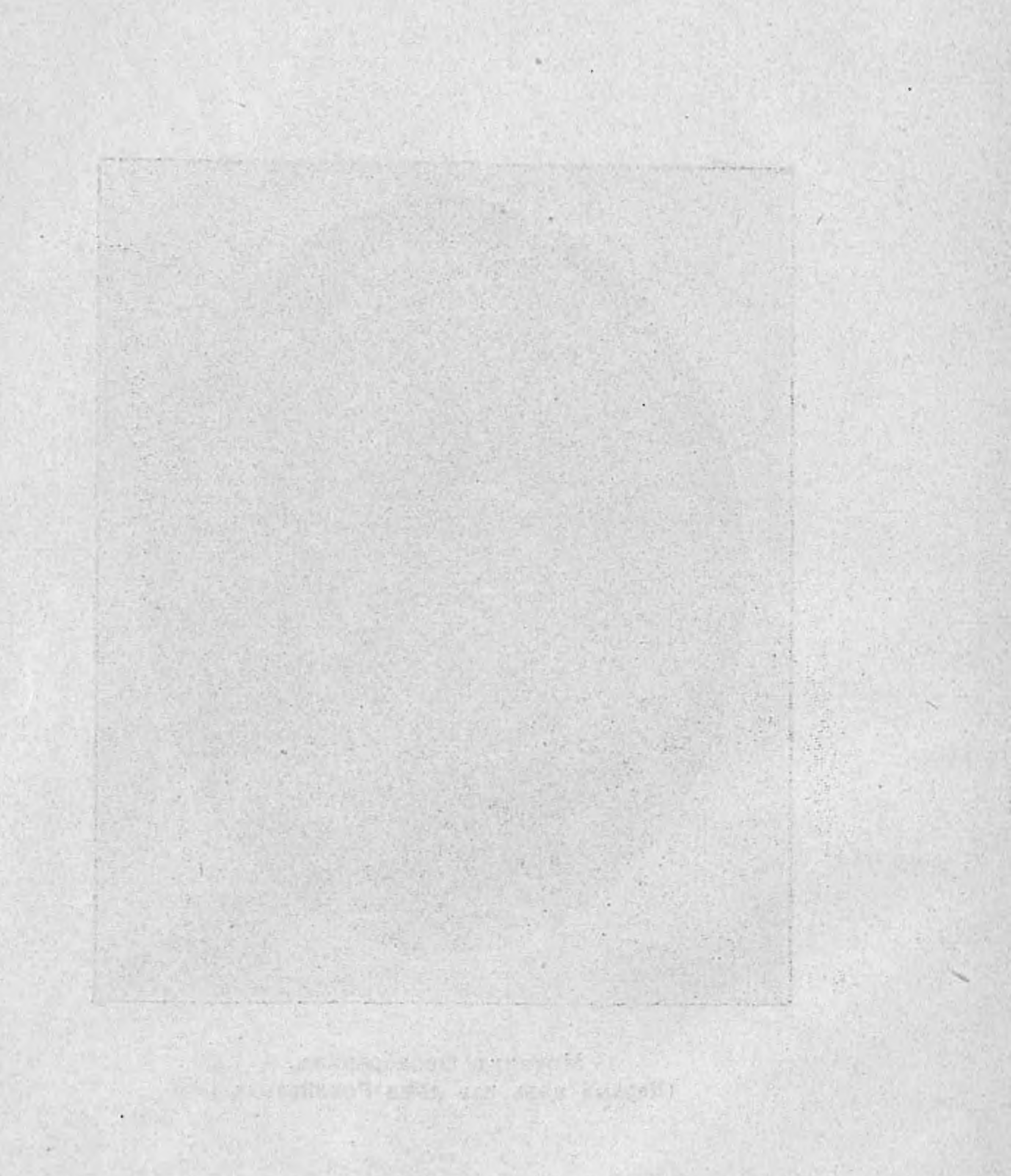
300 ЛѢТЪ ДОМА РОМАНОВЫХЪ.

(Смутное время на руси, избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова).

МОСКВА.
Типо-Литографія И. Ф. Смирнова, Б. Дмитровка, Космод. п., д. № 10.
1911.

Михаилъ Өеодоровичъ,
(Первый царь изъ дома Романовыхъ.)

I.

Лѣтомъ 1601 года въ глухихъ лѣсныхъ деревушкахъ около Антоніево-Сійскаго монастыря прошелъ слухъ, что въ монастырь запрещено пускать богомольцевъ.

Привезли будто бы въ монастырь изъ Москвы, за строгимъ карауломъ, нѣкоего именитаго боярина, постриженнаго за великое его злодѣйство въ монахи, — и указано ему отъ царя: жить въ монастырѣ до скончанія дней своихъ.

А чтобы, какіе были у боярина доброхоты, не могли пересылаться съ нимъ письмами черезъ богомольцевъ, и вышелъ этотъ приказъ: не допускать больше въ монастырь богомольцевъ.

На Руси царствовалъ тогда Борисъ Годуновъ. Въ лѣтописяхъ, относящихся къ тому времени, есть между прочимъ такая запись: „Настала у Бориса въ царствѣ великая смута, доносили и попы, и дьяконы, и чернецы, и проскурницы, жены—на мужей, дѣти—на отцовъ, отцы—на дѣтей“.

Борисъ Годуновъ, какъ извѣстно, избранъ былъ на царство послѣ смерти послѣдняго русскаго царя изъ дома Мономаховъ, Ѳедора Іоановича, сына Грознаго... А раньше Годуновъ былъ простой бояринъ... Среди московскихъ бояръ онъ считался даже не изъ особенно знатныхъ. Съ самаго дня своего избранія на царство онъ не зналъ покоя: все ему казалось, что бояре ему завидуютъ и только прикидываются угодливыми, а на самомъ дѣлѣ одно у нихъ на умѣ: чтобы самимъ занять его мѣсто.

Онъ велѣлъ своей роднѣ и кое кому изъ приблеженныхъ потихоньку разузнавать, гдѣ и что про него говорятъ, и обо всемъ, что услышатъ, ему доносить. Доносчиковъ онъ надѣлялъ кого имѣньями, кого деньгами, кому дѣлалъ повышеніе въ должности или увеличивалъ жалованіе.

Приближеннымъ и роднѣ царской однимъ трудно было за всѣмъ и за всѣми услѣдить. Они стали подкупать людей на сторонѣ себѣ въ помощь и тоже не скупились на деньги: хорошо награждали за доносы.

Они понимали, что пока Борисъ на тронѣ—и имъ хорошо, а случись съ Борисомъ что дурное,—и ихнему хорошему житью тоже придетъ конецъ.

Они помогали Борису, а Борисъ не забывалъ ихъ.

Случалось и такъ. Думаетъ про кого-нибудь самъ царь или его приближенные „вотъ намъ недоброхотъ",—а подкопаться къ человѣку никакъ нельзя, обвинить его не въ чемъ... И ищутъ приближенные кого ни на есть, чтобы только подъ присягой показалъ, что вотъ, де, такой-то бояринъ говорилъ про царя дурно. Въ Москвѣ тогда всякаго народу было довольно. Отъ частыхъ неурожаевъ и голодовокъ много людей ходило безъ дѣла и безъ пристанища.

Обласкаютъ, одѣнутъ, накормятъ такого безпріютнаго — онъ и радъ служить, какъ укажутъ, клеветать и доносить, на кого угодно. А царской роднѣ то и на руку... Можетъ, оклеветанный человѣкъ и ни въ чемъ не повиненъ, да безъ него все спокойнѣй... Много въ тѣ времена было сослано бояръ самыхъ старинныхъ и знатныхъ родовъ на край государства, на дальній сѣверъ, много ихъ томилось по тюрьмамъ... А рядомъ съ ними многіе люди простого званія за свои доносы вышли въ бояре, стали помѣщиками, сотниками и воеводами.

Самыми главными своими недоброхотами царь Борисъ считалъ бояръ Романовыхъ. Было ихъ пятеро братьевъ: Ѳедоръ, Александръ, Михаилъ, Иванъ и Василій. Покойной царицѣ Анастасіи, женѣ Ивана Грознаго, приходились они родными племянниками

и, значитъ, черезъ нее, свою тетку, по всей правдѣ могли считать себя близкими родственниками прежнимъ царямъ.

Если ужъ и было кого выбрать царемъ послѣ смерти сына Ивана Грознаго, Ѳедора, то изъ ихъ рода въ первую голову, а не Бориса Годунова...

Жилъ у одного изъ Романовыхъ, Александра, въ управляющихъ его же крѣпостной, по фамиліи Бартеневъ. Узналъ этотъ Бартеневъ, что царь хорошо жалуетъ доносчиковъ,—а что отъ Романовыхъ Годуновъ радъ былъ бы отдѣлаться, — это не одному ему, а и всей Москвѣ давно было извѣстно...

Свелъ Бартеневъ дружбу сначала съ дворцовой челядью, а потомъ и съ однимъ изъ царской родни.

Съ этого у нихъ началось, а кончилось вотъ чѣмъ. Придумали они сообща, Бартеневъ и царскій родичъ, подкинуть въ кладовую къ Бартеневскимъ господамъ мѣшокъ съ кореньями, а потомъ написать доносъ, будто братья Романовы сговорились опоить царя наговорнымъ зельемъ, и для того и припасенъ этотъ мѣшокъ съ кореньями...

Все вышло по ихнему...

Сказалъ ли царскій родичъ правду Годунову, открылся ли ему, какъ у нихъ все

было съ Бартеневымъ, или нѣтъ — неизвѣстно.

Только Борисъ, когда прочиталъ доносъ, велѣлъ сейчасъ же сдѣлать у Романовыхъ обыскъ. Если бы у Романовыхъ и ничего не нашли, Годуновъ ихъ все равно не помиловалъ бы...

Но мѣшокъ съ кореньями оказался на мѣстѣ.

Романовыхъ арестовали и стали снимать съ нихъ допросъ, для какой надобности спрятаны у нихъ коренья, и не припрятано ли въ другихъ мѣстахъ еще чего-нибудь.

При допросѣ ихъ пытали.

Тогда это было въ обычаѣ: если человѣкъ на судѣ говорилъ, что на него возводятъ напраслину, судьи звали палачей, заставляли ихъ поднять обвиняемаго на дыбу, поставить голыми ногами на горячіе угли, или потихоньку сдавливать горло особаго устройства тисками,—а сами продолжали допросъ...

Иные, и совсѣмъ ни въ чемъ не повинные, отъ одного страха, — чтобъ ихъ только перестали мучить,—сразу винились въ томъ, чего и не было, наговаривали на себя сами все, чего отъ нихъ судьи хотѣли...

Можетъ быть, царскіе приближенные, допрашивавшіе Романовыхъ, тоже не спроста велѣли пытать ихъ.

Однако, сколько Романовыхъ не мучили, ничего изъ этого не вышло: они и подъ пытками клялись, что страдаютъ невинно.

Принялись тогда за ихъ слугъ.

Крѣпостнымъ людямъ въ тѣ времена жилось при боярахъ очень плохо... Земли бояре отводили имъ мало, а спрашивали много, за всякую провиность строго наказывали, заковывали въ цѣпи и колодки, по недѣлямъ держали на хлѣбѣ и водѣ... Крѣпостные отъ плохого житья цѣлыми семьями уходили въ бѣга искать лучшей жизни на сторонѣ, или еще и того хуже: собирались шайками и грабили своихъ же бывшихъ господъ...

Но Годуновъ не даромъ такъ злобствовалъ на Романовыхъ. Самъ онъ всячески старался, чтобы въ народѣ шла про него хорошая слава: нищихъ и бѣдныхъ, когда выходилъ изъ дворца, одѣлялъ на улицахъ деньгами, во время голодовокъ приказывалъ хлѣбъ продавать не свыше обыкновенной цѣны, а какой у самого былъ хлѣбъ изъ своихъ имѣній, раздавалъ даромъ...

И все-таки народу казалось, что дѣлаетъ онъ это не безъ умысла, не изъ одной только жалости и любви къ бѣднымъ людямъ...

А про Романовыхъ говорили въ народѣ— въ самой Москвѣ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ были у нихъ имѣнья,—что если на Руси есть жалостливые къ своимъ крѣпост-

Ксенія Ивановна, супруга Ѳ. Н. Романова, въ иночествѣ Марѳа.

нымъ бояре и помѣщики, то Романовы между ними изъ первыхъ. Народъ ихъ любилъ... Царскіе приближенные хоть и распускали слухи, что эта жалостливость у Романовыхъ тоже не прямо отъ сердца, а хотятъ они будто бы выставиться передъ народомъ лучше царя, но такіе слухи шли на вѣтеръ: имъ никто не вѣрилъ.

Когда стали допрашивать крѣпостныхъ Романовыхъ, не знаютъ ли они за своими господами какого злого умысла противъ царя, они въ одинъ голосъ отвѣчали, что не знаютъ. Тогда кликнули палачей.

Доведись это на крѣпостныхъ какого-либо другого боярина, навѣрное все разомъ повернулось бы, какъ хотѣлось Борису. Допрашиваемые и безъ пытокъ показали бы все, что отъ нихъ требовали...

Но Романовскіе крѣпостные были готовы лучше принять смерть на дыбѣ, чѣмъ оклеветать своихъ господъ.

На Руси про неподкупныхъ людей говорятъ: „не убьютъ души".

Ни одинъ изъ нихъ „не убилъ души".

Опять, окровавленные, полузамученные, полуживые они подтвердили прежнія свои слова: „Никакого злого умысла противъ царя" за своими господами они не знаютъ.

Романовыхъ все равно осудили.

Годуновъ еще раньше рѣшилъ, что осудитъ ихъ, чѣмъ ни кончился бы допросъ.

Старшаго Романова, Ѳедора Никитича, онъ велѣлъ постричь въ монахи и сослать въ Антоніевъ-Сійскій монастырь.

Ѳедоръ Никитичъ былъ женатъ. Жену его тоже постригли въ монахини. Жить ей назначили въ одномъ изъ Заонежскихъ монастырей. А сына ихъ, Михаила, и дочь Ксенію отправили на житье съ родственниками, князьями Черкасскими, на Бѣлоозеро.

Сыну Ѳедора Никитича было тогда всего шесть лѣтъ...

Бориса за это дѣло приравнивали на Москвѣ къ коршуну. Налетѣлъ коршунъ на чужое гнѣздо, разорилъ его и птенцовъ не пожалѣлъ, выкинулъ...

Но Борисъ о томъ какъ разъ и хлопоталъ.

Ему это было нужно — разорить чужое гнѣздо, чтобы самому стало просторнѣй. Онъ такъ и думалъ про дѣтей Ѳедора Никитича, что безъ отца и матери они зачахнутъ въ ссылкѣ, какъ птенцы, вывалившіеся изъ гнѣзда...

Разослалъ онъ и остальныхъ Романовыхъ, кого куда: Александра—въ Усолье-Луду на Бѣломъ морѣ, Михаила—въ Ныробь, Ивана въ—Пелымъ, Василія въ—Яранскъ.

II.

Θедора Никитича Романова при постриженіи назвали Филаретомъ. Въ Антоніевомъ-Сійскомъ монастырѣ при немъ находился неотлучно царскій приставъ.

Приставу строго было наказано къ *старцу Филарету* никого не допускать и обо всемъ, о чемъ ни сталъ бы онъ съ приставомъ говорить, доносить въ Москву.

Такіе же наказы даны были и другимъ приставамъ, приставленнымъ къ братьямъ Θедора Никитича.

Приставовъ къ Романовымъ подобрали, разумѣется, такихъ, чтобы ужъ на нихъ можно было положиться...

Мучили Романовыхъ сперва палачи, а теперь пришла очередь приставовъ... Были они все такіе люди, что за Бориса хоть сейчасъ въ огонь и въ воду... Тоже и они не хуже Годуновскихъ приближенныхъ понимали, что имъ только и хорошо за Борисомъ. А не будетъ Бориса — и имъ придется плакаться

Годуновъ разослалъ Романовыхъ въ такія мѣста, гдѣ и на волѣ то жить согласился бы не всякій... Θедору Никитичу или, какъ его приказано было называть, старцу Θиларету отвели хоть на жилье монастырь — а, напримѣръ, Михаила Никитича,

сосланнаго въ нынѣшнюю Пермскую губернію, приказано было поселить въ лѣсу.

Привезъ его туда зимою приставъ Тушинъ съ шестью стражниками... Выбралъ Тушинъ въ лѣсу мѣсто поглушнѣй и велѣлъ тутъ стражникамъ рыть землянку. Рѣдко когда туда до тѣхъ поръ и люди заходили.

Вырыли стражники кое какъ въ мерзлой землѣ землянку маленькую—маленькую, въ пору только стоять да сидѣть, сдѣлали глиняную печку, накидали соломы, столъ къ стѣнѣ приладили...

Тамъ, въ этой землянкѣ Михаилъ Никитичъ и умеръ, зачахъ отъ холода, сырости, отъ плохой пищи... Неотлучно при землянкѣ стояла стража...

Въ Ныробѣ и по-сейчасъ цѣлы кандалы, которые были на Михаилѣ Никитичѣ. Вѣсомъ эти кандалы полтора пуда. Скованы у него были руки и ноги, да еще къ плечамъ приложена была тяжелая желѣзная полоса. . Выжилъ Михаилъ Никитичъ всего съ годъ... А былъ онъ человѣкъ очень здоровый и сильный, настоящій богатырь.

Въ Ныробѣ еще въ прошломъ столѣтіи знали одного старика. Было этому старику лѣтъ за сто. Звали его Максимъ Денисовъ. Такъ этотъ Максимъ Денисовъ, когда еще маленькій былъ, отъ своихъ тоже стариковъ слышалъ, что Ныробскіе жители хотѣли бы-

ло помочь Михаилу Никитичу—не то, чтобы освободить его, а хоть доставлять какъ-нибудь, какую можно было, пищу получше... Вѣдь Михаилъ Никитичъ отъ сторожей получалъ только хлѣбъ да воду... Ныробцы и научали своихъ ребятишекъ сквозь трещины въ землянкѣ опускать къ нему тростинки, — а въ тростинкахъ было налито либо масло, либо квасъ, либо молоко Только сторожа обо всемъ скоро дознались и донесли Тушину. А Тушинъ велѣлъ шестерыхъ Ныробцевъ заковать въ кандалы и отправилъ ихъ въ Москву. Всего ихъ потомъ изъ шести человѣкъ вернулось домой двое, а объ остальныхъ ничего неизвѣстно... Должно быть, ихъ либо до смерти замучили на допросѣ, либо такъ они и остались на всю жизнь въ московской тюрьмѣ.

Въ такой же строгости держали и другихъ Романовыхъ. Пристава были къ нимъ еще безжалостнѣй, чѣмъ самъ Годуновъ.

Про пристава Тушина и его стражниковъ такъ даже ходилъ слухъ, что они нарочно уморили Михаила Никитича голодомъ, чтобы самимъ поскорѣй убраться изъ Ныроба.

Скучно имъ тамъ было въ глухомъ лѣсу, гдѣ деревня отъ деревни на день, а то и на два дня пути... Самъ-то Тушинъ имѣлъ въ Ныробѣ избу, а стражникамъ приходилось

изо дня въ день дежурить около землянки. Да должно быть и Тушинъ тоже скучалъ по Москвѣ. А могло еще и такъ быть: Тушинъ, можетъ, думалъ, что Борисъ и спитъ, и видитъ, чтобы совсѣмъ отдѣлаться отъ Романовыхъ..

Вскорѣ умерли въ ссылкѣ Александръ и Василій Никитичи. Въ живыхъ остались только двое: старецъ Ѳиларетъ и Иванъ Никитичъ...

При Ѳиларетѣ находился одно время въ приставахъ Богданъ Воейковъ... Какъ уже сказано, приставамъ было велѣно обо всякихъ съ ними разговорахъ Романовыхъ доносить царю.

Вотъ что писалъ Годунову Воейковъ про Ѳиларета Никитича: „Твой, Государевъ, измѣнникъ, старецъ Ѳиларетъ Романовъ, мнѣ, холопу твоему, въ разговорѣ говорилъ: бояре, приближенные царя, мнѣ великіе недруги; искали головъ нашихъ, а иные де научали на насъ говорить людей нашихъ; а я де самъ видѣлъ то не единожды... Коли жену вспомянетъ и дѣтей, то говоритъ: Милые мои дѣтки, маленькіе, бѣдные, остались: кому ихъ кормить и поить? А жена моя бѣдная жива-ль? Гдѣ-то она? Чаю, туда ее замчали, что и слухъ не зайдетъ! Мнѣ то ужъ что надобно?.. То мнѣ и лихо, что жена и дѣти:

какъ вспомнишь ихъ, такъ словно кто рогатиной въ сердце ударитъ..."

Кто его знаетъ—можетъ быть Воейковъ былъ добрый человѣкъ, не чета Тушину... Можетъ, ему хотѣлось разжалобить царя, и потому въ своемъ донесенiи онъ и написалъ, какъ тоскуетъ старецъ Ѳиларетъ о своей женѣ и дѣтяхъ...

А можетъ, на умѣ у него было другое—порадовать Годунова — пусть Годуновъ поглядитъ на слезы своего недруга, послушаетъ его причитанья...

Слуги Романовыхъ мало того что на допросѣ „души не убили", вытерпѣли всѣ муки,—они же не забывали своихъ господъ и въ ссылкѣ...

Жена Ѳиларета Никитича жила въ Заонежьѣ, самъ онъ въ Сiйскомъ монастырѣ, а дѣти на Бѣлоозерѣ Какъ не сторожили ихъ пристава, дворовые люди Ѳиларета Никитича ухитрялись передавать письма то отъ Ѳедора Никитича къ женѣ, то отъ жены Ѳедору Никитичу... Пробирались они, все равно, была ли зима, осень или весенняя распутица, и въ Заонежскiй край къ ихъ дѣтямъ... Правда, не скоро это уладилось, и долгое время ни Ѳиларетъ Никитичъ не зналъ, куда услали его жену и дѣтей, ни его жена и дѣти ничего про него не знали. Но въ концѣ концовъ они стали получать не толь-

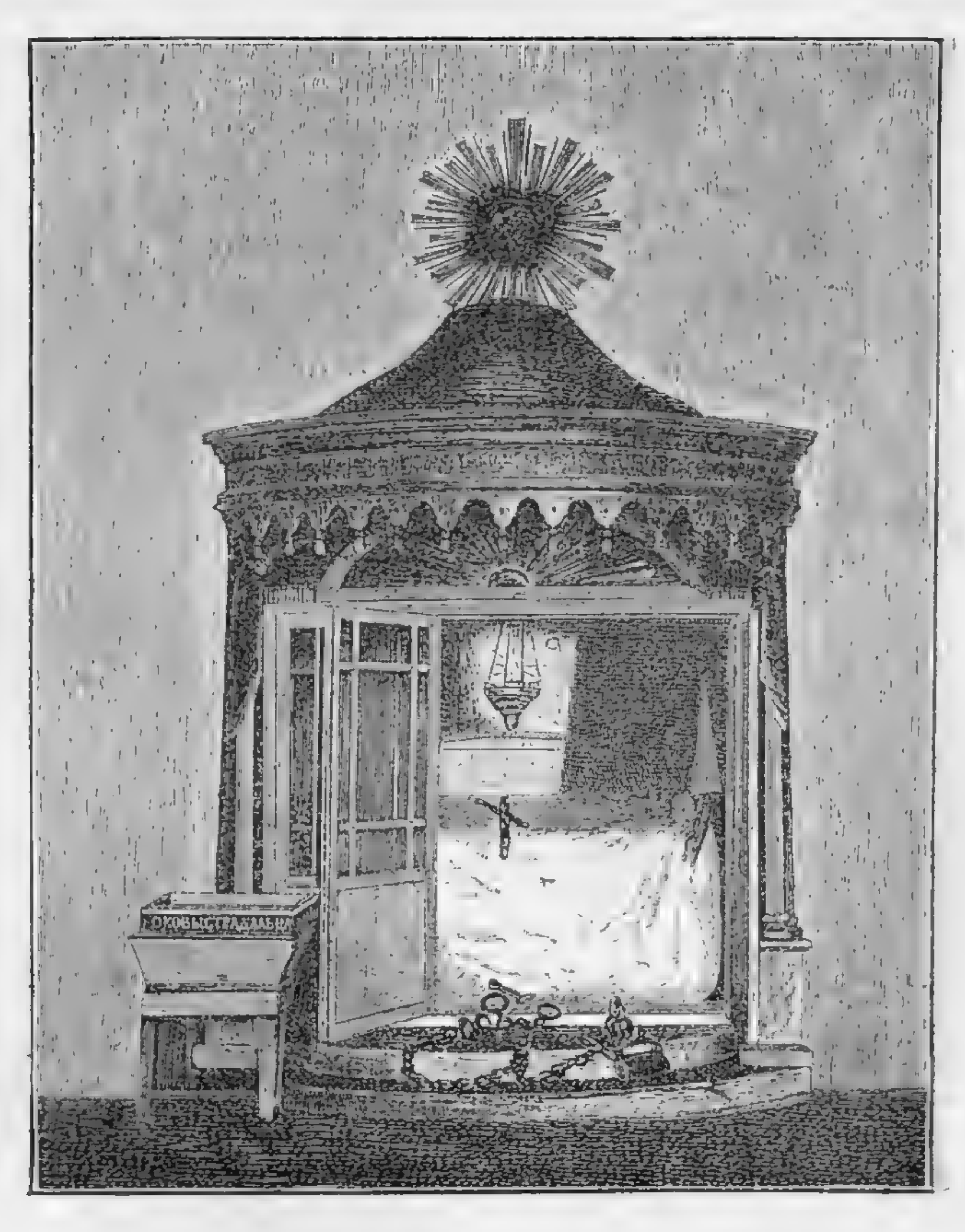
ко вѣсти другъ о другѣ, но и о томъ, что тогда дѣлалось въ Москвѣ... А въ Москвѣ было мало хорошаго,—подошелъ опять неурожайный годъ,—подъ рядъ третій. Съ голоду и отъ болѣзней люди умирали на улицахъ. Пришлось даже вызвать охочихъ людей, чтобы обходили городъ и подбирали мертвыя тѣла. Бояре и помѣщики отказались отъ своихъ крѣпостныхъ, пускали ихъ на всѣ четыре стороны кормиться, какъ хотятъ, потому что кормить ихъ стало нечѣмъ.

Каждый день черезъ всѣ заставы въ Москву и шли, и ѣхали изъ неурожайныхъ мѣстъ люди всякаго званія. Больше всѣхъ было крестьянъ... Въ Москвѣ стало тѣсно. А хлѣбъ, какой былъ въ зернѣ или въ мукѣ, давно ужъ весь подобрался...

Годуновъ сталъ раздавать хлѣбъ изъ своихъ амбаровъ, выслалъ къ народу ближнихъ своихъ дворянъ съ мѣшками серебра и мѣди для раздачи милостыни. Въ иной день у него уходило по нѣскольку десятковъ тысячъ рублей...

Но отъ этого лучше не стало. Нищихъ и безпріютныхъ въ Москвѣ все прибавлялось.

Годуновъ и самъ видѣлъ, что ему не въ силу прокормить всѣхъ: какъ ни сыпь серебромъ — Россія велика, — на всѣхъ не хватитъ.

Часовня, въ которой хранятся цѣпи Михаила Никитича Романова.

Кончилъ онъ: не сталъ больше давать денегъ. А тутъ какъ разъ въ Москву нахлынули сотни и тысячи новыхъ бѣдняковъ и голодающихъ.

Ждали они царской милости, а вышло, что и голову негдѣ приклонить.

Въ заѣзжихъ домахъ подъ Москвой и въ самой Москвѣ въ посадахъ было полно.

Кто и донесъ съ собой какія изъ дому взялъ деньги—все равно негдѣ и съ деньгами было найти пристанища.

Въ тѣ времена въ Москвѣ пустырей было еще больше, чѣмъ теперь.

Стали,—кому негдѣ было пріютиться,—ставить на пустыряхъ шалаши и разбивать палатки. Тамъ и жили.

Народу все прибывало, а подвозу никакого ни откуда не было: на сотни верстъ кругомъ Москвы поля стали, какъ пустыня,—все пропало: рожь, овесъ, всякая овощь... Только пыль крутило столбомъ... А народъ все шелъ да шелъ... Многіе такъ и умирали на дорогахъ отъ голода, отъ болѣзней, отъ усталости.

Развелись разбойники; подъ самой Москвой нападали на прохожихъ, убивали и грабили. А и грабить то было нечего...

Одни нищіе шли, а другіе поджидали ихъ около дороги въ балкахъ, въ буеракахъ, въ оврагахъ, выскакивали, кто съ чѣмъ: съ но-

жемъ, съ топоромъ, съ медвѣжьей рогатиной—,люди—не люди, звѣри—не звѣри, худые, грязные, въ лохмотьяхъ... У иныхъ головы обмотаны тряпицами; а на тряпицахъ кровь: это отъ прежнихъ разбоевъ, когда нарывались на смѣлаго человѣка, тоже, не хуже ихъ, съ какимъ-нибудь оружіемъ...

Жутко стало на Руси.

Говорили, будто даже въ самой Москвѣ на рынкахъ продаютъ пироги съ человѣчьимъ мясомъ... Было и это: отъ голоду люди и въ самомъ дѣлѣ словно озвѣрѣли, подбирали ночью на улицахъ мертвыя тѣла, и ѣли мертвечину. Такимъ Борисъ велѣлъ рубить головы или сжигать ихъ на кострахъ...

Многіе, чтобы хоть самимъ пропитаться какъ-нибудь, побросали свои семейства: пусть промышляютъ сами себѣ, какъ хотятъ... Четыре такихъ оставленные мужьями бабы сняли постоялый дворъ, зазывали къ себѣ пріѣзжихъ, и какъ дождутся ночи—сейчасъ за ножъ: убивали сонныхъ... А потомъ варили изъ человѣчины пищу.

Одинъ иностранецъ, бывшій тогда въ Москвѣ, описывалъ потомъ (и эта его рукопись и по-сейчасъ цѣла), что видѣлъ собственными глазами, какъ одна мать, сидя на улицѣ, глодала трупъ своего ребенка.

Сейчасъ и подумать о томъ нельзя, что тогда было... У многихъ мертвыхъ, подобран-

ныхъ на улицахъ, находили во рту сѣно и траву: значитъ вотъ до чего дошло, что съ голоду ѣли сѣно.

Нынѣшнія губерніи: Курская, Черниговская и часть Орловской назывались тогда украинскими областями: за ними начинались ужъ чужія земли, польскія и литовскія. Еще при царѣ Иванѣ Грозномъ и при другихъ царяхъ туда уходили въ бѣга всякаго званія люди... Съ однихъ царскіе пристава искали за грабежи и за разбои, съ другихъ за долги и разные иные повинности...

Всѣ туда бѣжали, на Украйну. Особенно много тамъ было бѣглыхъ боярскихъ холопей, дворовыхъ и крѣпостныхъ... А какъ подошелъ голодъ, и стали бояре ужъ сами всѣхъ своихъ слугъ поголовно отпускать на волю—лишь бы ихъ не кормить, то такого народу собралось на Украйнѣ не одна, не двѣ и не три тысячи—цѣлое войско.

И раньше тамъ жилъ народъ все больше отчаянный, кому головы своей не жалко... Курская и Черниговская губерніи подходили прямо почти къ польскимъ владѣніямъ и къ степямъ.

Изъ степей часто налетали татары, деревни жгли, а жителей уводили къ себѣ и продавали въ рабство въ Турцію и въ другіе мѣста. Былъ, значитъ, тамъ народъ за-

каленный... То съ татарами приходилось воевать, то съ поляками...

Еще ребятишками отъ матерей и отцовъ тамошніе жители слыхали, какъ ихніе дѣды и прадѣды, а то и отцы, терпѣли всякія притѣсненія отъ бояръ и изъ-за бояръ, а не по чему другому, и ушли съ родной стороны.

Раньше на Украйну бѣгали холопы по одному, по двое, много десятками, а въ голодный годъ стали приходить толпами.

И нашелся на Украйнѣ казакъ Косолапъ, да еще казакъ Хлопка... Набрали они себѣ изъ прежнихъ и изъ новыхъ бѣглыхъ по шайкѣ и пошли уже не какъ придорожные подмосковные разбойники съ топорами и ножами, а съ ружьями, саблями, на коняхъ—настоящимъ войскомъ... Нападать стали не на прохожихъ и проѣзжихъ, а на города, усадьбы и деревни.

Годуновъ велѣлъ своимъ воеводамъ перехватать ихъ и казнить.

Но у Косолапа съ Хлопкой народъ подобрался—воинъ къ воину...

Когда дѣло дошло до сраженія, они разбили посланное изъ Москвы съ воеводами войско, и, какъ потомъ ни старались воеводы, ничего съ ними сдѣлать не могли...

Хлопка дошелъ даже до самой Москвы и хотѣлъ напасть и на нее. Но тутъ противъ него отрядили рать побольше прежней. Выш-

ла настоящая битва. Воевода, командовавшій ратью, былъ убитъ. Но все-таки взяли верхъ царскіе солдаты. Схватили и Хлопка, и много другихъ изъ его шайки, и всѣхъ повели на допросъ.

Борисъ думалъ, не найдется-ли между хлопковцами кого-нибудь изъ холопей бояръ, бывшихъ у него въ немилости. Человѣкъ онъ былъ подозрительный и про себя, должно быть, такъ ужъ и рѣшилъ, что это бояре все подстроили—наслали на него Хлопку...

Хлопковцевъ и самого Хлопку пытали, а потомъ казнили.

Но тѣмъ дѣло не кончилось.

На Украйнѣ стали говорить, что хоть царское войско и осилило Хлопку, да не сразу, а сначала, пока Хлопка не дошелъ до Москвы, побѣждалъ онъ и можетъ быть побѣдилъ бы и подъ Москвой, будь у него народу побольше...

Не любили Годунова ни въ самой Москвѣ, ни на Украйнѣ.

Онъ и крестьянъ окончательно прикрѣпилъ къ землѣ, и происхожденіемъ былъ не оченъ знатенъ, и на царство сѣлъ какъ будто не въ чередъ передъ другими знатными родами.

Въ Москвѣ-то объ этомъ говорить боялись, а на Украйнѣ, или, какъ тогда ее называли, въ Сѣверской землѣ говорили открыто.

Особенно-же не могли простить Годунову, что онъ, еще когда былъ простымъ бояриномъ при царѣ Ѳедорѣ, отмѣнилъ Юрьевъ день.

По старымъ правиламъ всякій крѣпостной могъ въ Юрьевъ день уйти отъ своего помѣщика, стать вольнымъ человѣкомъ. А Годуновъ уговорилъ царя объявить приказъ, чтобы этого больше не было.

За то больше всего его и не любили, какъ ни сыпалъ онъ деньгами у себя въ Москвѣ...

Сѣверскія земли и этихъ денегъ не видѣли.

Вскорѣ, какъ казнили Хлопка, дошелъ съ Сѣверской Украйны слухъ въ Москву, будто объявился въ Польшѣ сынъ Ивана Грознаго, царевичъ Дмитрій. Будто не онъ былъ убитъ въ Угличѣ въ 1591 году, а сынъ его мамки... А царевича Дмитрія добрые люди укрывали до поры до времени въ разныхъ мѣстахъ и потомъ увезли за границу, въ Польшу.

Тамъ, будто бы, онъ и выросъ и теперь собрался идти на Годунова войной.

Слухъ про царевича Дмитрія еще и раньше ходилъ въ Москвѣ. Только этому рѣдко кто вѣрилъ. А теперь выискивались люди, трудно сказать изъ какихъ: то-ли заѣзжіе сѣверскіе жители, то-ли изъ подмосковныхъ, разсказывавшіе, что видѣли царевича собственными глазами... По ихъ словамъ выхо-

дило, что царевичъ живъ и имѣетъ пристанище въ Польшѣ, но какъ затѣялъ онъ отвоевать у Годунова родительскій престолъ, то теперь у него одна забота: набрать войско... И будто это одинъ разговоръ, что онъ въ Польшѣ, а на самомъ дѣлѣ онъ тайно скитается въ московскихъ областяхъ и подговариваетъ охочихъ людей идти къ себѣ на службу

Такихъ разсказчиковъ про царевича Борисъ велѣлъ хватать, пытать и допрашивать.

Допрашивать-то ихъ допрашивали, а узнать ничего не могли. Всѣ они показывали, что про царевича слышали отъ разныхъ людей: кто—отъ странника на заѣзжемъ дворѣ, кто—на рынкѣ, а какой такой странникъ и когда онъ и куда пошелъ—не упомнятъ. А видать царевича не видѣли, и это на нихъ возводятъ напраслину, будто они его знаютъ.

Ихъ сажали въ тюрьмы, забивали въ колодки, а какихъ на пыткѣ и до смерти замучивали.

А слухъ про царевича все не затихалъ. И никакъ не могъ Борисъ найти человѣка, отъ котораго все пошло, кто первый принесъ въ Москву этотъ слухъ...

Мало по-малу, одинъ отъ одного про царевича узнали всѣ въ Москвѣ: и богатые, и бѣдные, и стрѣльцы, и воеводы, и бояре, и посадскіе.

Много заботы было Борису съ голодомъ. И уже стало было все налаживаться; отдалъ онъ приказъ, чтобы изо всѣхъ дальнихъ областей, куда не дошелъ неурожай, везти въ Москву весь хлѣбъ, какой тамъ былъ.

Поздно онъ объ этомъ вспомнилъ. По лѣтописямъ видно, что въ тѣ времена перемерло народу тысячъ до пяти сотъ.

Стали въ Москву подвозить хлѣбъ—полегчало было немного—тутъ новый громъ: Дмитрій царевичъ объявился.

Борисъ думалъ, что его и косточки сгнили, а выходило совсѣмъ по другому. Не вѣрилъ онъ этимъ росказнямъ про царевича, а бояться-боялся. Къ знахарямъ сталъ ходить, къ гадалкамъ... Былъ у него одинъ иностранецъ-астрологъ: по звѣздамъ угадывалъ, что съ кѣмъ случится въ жизни... Вралъ онъ, конечно, этотъ астрологъ, да тогда ужъ такое время было: тоже и въ другихъ государствахъ тамошніе государи держали при себѣ такихъ предсказателей.

Бывало: ночь. Спитъ Москва. А Борисъ у астролога. Оба сидятъ на вышкѣ. Смотритъ астрологъ въ трубу на небо, разные свои волшебные чертежи строитъ на бумагѣ.

А Борису жутко...

Когда прошелъ слухъ про царевича, и про Романовыхъ онъ забылъ, и про другихъ бояръ, какихъ считалъ въ своихъ недобро-

тахъ. Объ одномъ только и думалъ: какъ же это, вѣдь его же люди убили Дмитрія царевича, а онъ—живой?.. И еще войной на него хочетъ идти... Онъ это, или не онъ? Разумомъ-то онъ давно рѣшилъ, что царевичемъ назвался какой-нибудь проходимецъ, а покоя душѣ не было. Мучилась въ немъ душа, какъ будто ужъ смертный часъ его наступилъ.

Зналъ онъ, что про него говорятъ въ народѣ. Убійцы царевича были все его же ближніе люди. Въ Москвѣ такъ и понимали, что подослалъ ихъ никто другой, какъ самъ Борисъ.

Правда это или нѣтъ, сказать нельзя. Доносъ на Романовыхъ тоже развѣ самъ Борисъ выдумалъ? Выдумали написать этотъ доносъ управляющій Романовскій Бартеневъ, да царскій родичъ.

Можетъ быть тоже и царевича убили ближніе Годуновскіе люди, чтобы угодить ему и выслужиться. Такъ или не такъ, а вина Годунова тутъ была: не хотѣлъ онъ, чтобы кто-нибудь стоялъ ему поперекъ дороги... Не будь въ немъ такого желанія, чего ради ближніе его люди стали бы доносы писать, или, того хуже, пошелъ бы кто-нибудь изъ нихъ тогда на убійство?

А что Борисъ дѣйствительно хотѣлъ избавиться отъ людей, которыхъ считалъ повыше себя родомъ,—такъ это вѣрно.

Былъ тогда въ Москвѣ одинъ бояринъ, князь Шуйскій, человѣкъ очень знатнаго происхожденія.

Годуновъ не велѣлъ ему жениться, ради того только, чтобы отъ Шуйскаго не осталось бы потомства.

Самъ то онъ Шуйскаго особенно не боялся, потому что тотъ былъ ужъ и старъ, и хворъ. А вотъ, если бы сталъ Шуйскій женатый, и пошли бы у него дѣти, Годунову была бы новая забота... А не ему самому, такъ его сыну...

Онъ и о себѣ самомъ думалъ, и о своемъ сынѣ... Умри онъ, опять, можетъ быть, начались бы въ Москвѣ нелады. Безъ него бояре осмѣлѣли-бы, не то что при немъ, затѣяли бы вмѣсто сына его посадить на престолъ другого кого-нибудь, кто родомъ познатнѣй.

Да ужъ объ этомъ говорилось выше. Потому Годуновъ и Романовское гнѣздо разорилъ, и многихъ другихъ бояръ отправилъ въ ссылку, держалъ въ тюрьмахъ, всячески преслѣдовалъ.

Борисъ толкомъ еще ничего не зналъ про объявившагося въ Польшѣ Дмитрія царевича, а въ Сѣверской Украйнѣ о немъ ужъ все было доподлинно извѣстно.

Дѣло будто бы такъ вышло. Жилъ въ услуженіи у одного польскаго богача, князя

Вишневецкаго, человѣкъ безъ роду и племени.

Заболѣлъ разъ этотъ человѣкъ и слегъ въ постель. Совсѣмъ разнемогся. Проситъ священника.

Пришелъ священникъ, сталъ исповѣдывать.

Онъ и говоритъ священнику:

— Сейчасъ я ничего не скажу, кто я такой, а когда умру, возьми у меня изъ-подъ подушки бумагу. Тогда узнаешь, кто я, только никому не разсказывай.

Священникъ, хотя это и было противъ правилъ, пошелъ къ князю и все ему открылъ: „исповѣдывалъ я вашего слугу, а онъ, должно быть, не простого званія“...

И про бумагу тоже сказалъ..

Сталъ Вишневецкій распрашивать слугу, что это за бумаги у него, и кто онъ.

Слуга ничего не говорилъ. Тогда Вишневецкій самъ досталъ бумагу изъ-подъ подушки.

А въ бумагѣ и значилось, что слуга-то — не слуга, а Дмитрій царевичъ, сынъ Ивана Грознаго.

Съ этого и началось.

Жилъ человѣкъ въ неизвѣстности, ни роду, ни племени—и вдругъ, сразу сталъ первой персоной... Отвелъ ему Вишневецкій самыя лучшія комнаты въ своемъ замкѣ, слугъ

къ нему приставилъ, деньгами надѣлилъ, назначилъ ходить за нимъ своихъ докторовъ.

Потомъ отписалъ королю въ Краковъ обо всемъ подробно: жилъ у меня въ услуженіи нѣкій человѣкъ, и оказался этотъ человѣкъ никто другой, какъ Дмитрій царевичъ...

Тутъ ужъ зашумѣли всѣ польскіе вельможи: нельзя такъ оставить, нужно наказать московскаго царя Бориса, отнять у него тронъ и посадить вмѣсто него настоящаго царя.

Полякамъ, конечно. все равно было, кто въ Москвѣ царь: Годуновъ-ли, другой ли кто...

Невѣдомый человѣкъ, что жилъ у Вишневецкаго, прямо говорилъ:

— Годуновъ виноватъ во всемъ. Годуновъ подослалъ ко мнѣ убійцъ, да убійцы по ошибкѣ вмѣсто меня зарѣзали другого, схожаго со мной мальчика... А меня укрыли добрые люди, прятали отъ Бориса по разнымъ монастырямъ, а потомъ и за границу провели.

Какіе изъ польскихъ вельможъ ему вѣрили, какіе нѣтъ. Только и тѣ, что не вѣрили, въ глаза величали царевичемъ...

Имъ это было на руку. Они ужъ напередъ рѣшили: помогутъ они Дмитрію, царевичъ онъ или нѣтъ, сѣсть на Москвѣ ца-

ремъ, а Дмитрій за это подаритъ Польскому королевству такіе-то и такіе-то города въ своемъ царствѣ.

Но, конечно, для виду всѣ кричали, что между королями и царями давно ужъ такъ ведется: одинъ другому непремѣнно должны помогать; когда одинъ въ бѣдѣ, то другой долженъ вступиться, какъ братъ за брата.

Вышелъ отъ короля приказъ Вишневецкому: снарядить Дмитрія царевича, какъ подобаетъ его званію, и везти его въ Краковъ въ королевскій дворецъ.

Тутъ и еще случилось одно дѣло: по дорогѣ въ Краковъ заѣхалъ Вишневецкій съ Дмитріемъ къ одному тоже не хуже его богатѣйшему польскому вельможѣ, Юрію Мнишку.

Была у Мнишка дочь красавица, Марина. Дмитрій, какъ ее увидѣлъ, тутъ же рѣшилъ, что нѣтъ ему лучше невѣсты, какъ панна Марина.. Была она, и правда, какъ принцесса въ сказкѣ, въ золотѣ и брилліантахъ...

И это опять было полякамъ на руку: женится Дмитрій на Маринѣ, значитъ, въ Москвѣ царицей будетъ своя же, полька.

У Мнишка-же польскіе паны свели Дмитрія и съ іезуитами.

Іезуиты были у римскаго папы самые вѣрные слуги изъ католическаго духовенства. Потихоньку надзирали они даже за самимъ

польскимъ королемъ. Король ни на какое серьезное дѣло не пошелъ бы, съ ними не посовѣтовавшись.

Сдѣлай онъ что неугодное папѣ, папа послалъ бы на него другого какого католическаго короля, или его іезуиты такъ подстроили бы, что сами поляки смѣстили бы его съ престола.

Большая въ то время сила была іезуиты.

Сказали Дмитрію іезуиты:

— Безъ папскаго благословенія не дастъ тебѣ польскій король ни одного солдата. Дай намъ подписку, что, когда станешь царемъ, то не патріархъ будетъ у тебя главнымъ надъ духовными, а римскій папа.

Польскіе паны думали свое, а іезуиты свое: панамъ хотѣлось прирѣзать къ королевству русской земли, а іезуиты хотѣли полегоньку перекрестить русскихъ въ католичество. Сдѣлайся римскій папа на Руси вмѣсто патріарха, онъ и костелы сталъ бы строить въ русскихъ городахъ, и священниковъ и архіереевъ ставить въ приходахъ и епархіяхъ такихъ, какихъ самъ выберетъ.

Дмитрій обѣщалъ іезуитамъ сдѣлать все по ихнему... Навѣрное это неизвѣстно, но говорятъ даже, будто Дмитрій тайно перешелъ въ католическую вѣру.

Отъ Мнишка Вишневецкій съ Дмитіемъ поѣхалъ къ королю.

Королемъ тогда у поляковъ былъ Сигизмундъ.

Сигизмундъ принялъ Дмитрія, какъ равнаго себѣ, положилъ ему ежегодное жалованье и такъ еще далъ денегъ, а на счетъ помощи солдатами сказалъ, что безъ сейма сдѣлать ничего не можетъ.

Была надъ королемъ папская власть, и была еще власть отъ пановъ. Сеймомъ назывался у поляковъ съѣздъ знатнѣйшихъ вельможъ и дворянъ. Собирались вельможи и дворяне со всего королевства и обсуждали разныя дѣла: чему быть и чему не быть.

Начать войну съ Борисомъ, не спросившись сейма, король не имѣлъ права по польскимъ законамъ. Онъ позволилъ Дмитрію только набирать себѣ войско изъ вольныхъ людей во всѣхъ городахъ.

Дмитрій и тому былъ радъ.

Отъ короля онъ уѣхалъ опять къ Мнишку.

Мнишекъ самъ взялся набрать ему войско. Въ тѣ времена всякій польскій дворянинъ, по ихнему—шляхтичъ, считалъ себя военнымъ человѣкомъ.

И правда, среди шляхтичей было много народу, охочаго до военной жизни и знавшаго военное дѣло.

Наѣхало ихъ къ Мнишку человѣкъ тысячи съ полторы или больше.

Конечно, это что за рать, въ полторы или хотя бы въ двѣ тысячи человѣкъ! Съ такой ратью и порядочнаго города нельзя взять, а не то что завоевать цѣлое государство.

Но и Мнишекъ, и Дмитрій хорошо знали и помнили про Сѣверскую Украйну, какой тамъ народъ жилъ. Оттуда имъ ужъ писали, что приди туда Дмитрій хоть самъ другъ съ Мнишкомъ, сейчасъ-же у него и войско будетъ: всѣ поднимутся.

Пожалуй, и всей Сѣверской Украйны было бы мало, чтобъ начать войну съ Годуновымъ. Только вѣдь не любилъ русскій народъ Годунова. Поставить рядомъ его, Годунова, и Дмитрія царевича—кого бы онъ выбралъ?

Хотѣлъ Годуновъ извести Дмитрія царевича, а онъ—вотъ онъ, живой и невредимый. И если кто еще не вѣрилъ, что Годуновъ подсылалъ убійцъ въ Угличъ, такъ теперь повѣритъ: самъ Дмитрій царевичъ давно ужъ обо всемъ его зломъ дѣлѣ открылъ правду.

Живя у Мнишка, Дмитрій разсылалъ въ русскіе города грамоты, въ которыхъ подробно все описывалъ: какъ онъ спасся отъ убійцъ, какъ по монастырямъ скитался и какъ наконецъ попалъ въ Польшу.

Въ Москвѣ тогда только что вышелъ цар-

скій приказъ: везти изъ городовъ, гдѣ хлѣбъ родился, всякіе хлѣбные запасы.

Вмѣстѣ съ хлѣбомъ приходили въ Москву и грамоты Дмитрія: московскіе люди находили эти грамоты въ мѣшкахъ съ рожью и толокномъ. Когда въ Польшѣ стало извѣстно, что въ Москвѣ—нужда въ хлѣбѣ, то многіе польскіе купцы, у кого была ссыпка, стали отправлять туда, кто чѣмъ торговалъ: рожь, муку, пшено.

Мнишекъ сейчасъ-же и придумалъ это: класть въ мѣшки Дмитріевы грамоты.

Подбрасывали грамоты въ хлѣбъ и по русскимъ городамъ, какіе стояли недалеко отъ Польскаго рубежа.

Мнишковы люди всюду поспѣвали, гдѣ было можно: и у себя въ Польшѣ, и за рубежомъ...

Скоро не одна Москва, а и вся Россія узнала про Дмитрія. Дмитрій кромѣ того, что подбрасывалъ грамоты въ мѣшки съ хлѣбомъ на удачу: куда дойдутъ,—разсылалъ еще письма русскимъ воеводамъ.

Воеводы тогда были все равно, что теперешніе губернаторы. Въ случаѣ надобности, имъ давалось подъ начальство войско, и, значитъ, въ мирное время воевода дѣлалъ какое ему полагалось дѣло, какъ нынѣшній губернаторъ, а случалась война, онъ же и воевать шелъ.

Дмитрій писалъ воеводамъ:

— „Вспомните ваше происхожденіе, православную христіанскую вѣру и крестное цѣлованіе, на чемъ вы цѣловали крестъ отцу нашему, блаженной памяти государю и великому царю, и великому князю всея Руси, и намъ, дѣтямъ его—хотѣть добро; отложитесь нынѣ отъ измѣнника Бориса Годунова къ намъ и впредь служите, прямите и добра хотите намъ, государю своему прирожденному, какъ отцу вашему, а я стану васъ жаловать по своему царскому милосердному обычаю, и буду васъ въ чести держать, ибо мы хотимъ учинить все православное христіанство въ тишинѣ и покоѣ и благоденственномъ житіи".

Борисъ послалъ было польскому королю тоже отъ себя грамоту, что служившій у Вишневецкаго невѣдомый человѣкъ не Дмитрій царевичъ, а бѣглый монахъ, Григорій Отрепьевъ—только изъ этого ничего не вышло.

Поляки какъ ужъ ухватились за Дмитрія, такъ на своемъ и стояли: царевичъ онъ, а Годуновъ злодѣй, и нужно свести Годунова съ престола, а вмѣсто него посадить царемъ Дмитрія.

И сейчасъ ничего нельзя сказать про Дмитрія, какъ было его настоящее имя и какого онъ званія: бѣглый ли монахъ, или

другой кто. Вѣрно только, что онъ не Дмитрій царевичъ.

Дмитрій царевичъ, какъ это теперь доказано, дѣйствительно былъ убитъ въ Угличѣ Годуновскими людьми. А кто такой выдалъ себя Вишневецкому за Дмитрія царевича—доискаться нельзя.

Одни говорятъ, будто Годуновъ писалъ польскому королю правду: онъ—бѣглый монахъ Григорій Отрепьевъ, другіе, что нѣтъ. Дѣло будто было такъ.

Подыскали Борисовы враги (на Москвѣ у него ихъ было много) безроднаго сироту. Не помнилъ сирота ни отца, ни матери, и втолковали ему, что онъ царскій сынъ...

Говорили ему:

— Когда еще ты младенцемъ былъ, такъ мы тебя подмѣнили другимъ, схожимъ съ тобой, мальчикомъ.

Такъ онъ и росъ и такъ о себѣ и понималъ, что онъ—Дмитрій царевичъ, а зарѣзали Годуновскіе люди въ Угличѣ другого ребенка.

Можетъ быть, это правда, можетъ и нѣтъ; прямо сказать ничего нельзя.

Вѣрно и то, что былъ въ то время такой монахъ, Григорій Отрепьевъ, и тоже вѣрно. что онъ сбѣжалъ и пропалъ безъ вѣсти.

Объ этомъ Отрепьевѣ и писалъ Годуновъ польскому королю.

Даже велѣлъ Годуновъ духовенству предать Отрепьева анафемѣ.

Отрепьева проклинали въ церквахъ, а простой народъ думалъ про себя:

— Гришкѣ же Отрепьеву отъ этого проклятія и худо будетъ. А Дмитрій царевичъ — самъ по себѣ. Настанетъ время: — отплачутся волку овечьи слезки.

Никто въ народѣ не вѣрилъ Борису.

Всѣ объ одномъ только и молили Бога:

— Приходилъ бы скорѣй Дмитрій царевичъ.

А что грамоты изъ Польши шли не отъ настоящаго царевича, а отъ самозванца, объ этомъ и въ мысляхъ ни у кого не было.

III.

Въ октябрѣ 1604 года самозванецъ перешелъ Днѣпръ...

Войска съ нимъ было мало, да пока много войска ему было и не нужно. Первый русскій городъ, къ которому онъ подступилъ, Моравскъ, сдался ему безъ боя.

Моравскій воевода, когда увидѣлъ, что поляки подступаютъ, велѣлъ было своимъ солдатамъ, по тогдашнему — ратнымъ людямъ, бѣжать къ пушкамъ и стрѣлять въ поляковъ,

но солдаты стали кричать, что они не хотятъ больше служить Борису...

Потомъ они перевязали своихъ начальниковъ и послали отъ себя къ самозванцу выборныхъ сказать, что переходятъ всѣ до одного на его сторону.

Тоже было и въ другихъ городахъ. Скоро вся почти Сѣверская Украйна признала самозванца законнымъ русскимъ царемъ.

Всюду встрѣчали его колокольнымъ звономъ, выходили къ нему съ иконами и хоругвями.

Пришелъ онъ въ Сѣверную Украйну съ небольшимъ отрядомъ, а черезъ мѣсяцъ, самое большее, у него было уже цѣлое войско—тысячъ до двадцати народу...

Какъ онъ думалъ, такъ и вышло: Сѣверская Украйна стала за него почти поголовно.

Только одинъ городъ, Новгородъ-Сѣверскъ, не хотѣлъ ему покориться. Тутъ, подъ Новгородъ-Сѣверскомъ, онъ остановился.

А на помощь Новгородъ-Сѣверску ужъ шла большая рать. Велъ рать князь Мстиславскій. Людей у Мстиславскаго было втрое больше, чѣмъ у самозванца. Но самозванецъ не поглядѣлъ на это: напалъ на Мстиславскаго...

Можетъ быть, Мстиславскій и взялъ бы верхъ въ битвѣ, да полководецъ онъ былъ

плохой, а главное—его ратные люди въ бой шли нехотя... Тоже между ними было много разговоровъ про Дмитрія царевича.

Побѣду одержалъ самозванецъ. Тогда на помощь Мстиславскому вышелъ князь Шуйскій, тоже съ войскомъ.

Самозванецъ и на него напалъ. Только—не все удача: тутъ ужъ побѣдилъ Шуйскій.

Много народу полегло у самозванца: и поляковъ, и какіе пристали къ нему жители съ Сѣверской Украйны.

Онъ отошелъ назадъ, въ Путивль. Путивль тогда былъ огороженъ стѣною. На стѣнахъ стояли пушки.

Шуйскому, когда самозванецъ отступалъ, тутъ бы на него и напасть. Онъ этого не сдѣлалъ, упустилъ время.

Самозванецъ заперся въ Путивлѣ, а черезъ короткое время съ Дона къ нему пришло четыре тысячи казаковъ съ атаманомъ Корелой. Къ казакамъ самозванецъ тоже посылалъ грамоты, и по этимъ грамотамъ они и пришли: ему на подмогу.

И казаковъ царскіе воеводы проглядѣли: не перехватили на дорогѣ... Плохо несли они царскую службу... Гдѣ-бы поспѣть во время, они стояли на мѣстѣ, неизвѣстно чего ждали...

Всего то и было съ Корелой четыре тысячи. Ударь на него Шуйскій или Милослав-

скій на пути въ открытомъ полѣ, врядъ бы казаки устояли, а они дожидались, пока Корела укрѣпился въ городѣ Кромахъ.

Изъ Кромъ казаковъ ужъ трудно было выбить. Кромы тоже, какъ и Путивль, были со стѣною кругомъ города. Стали царскіе воеводы станомъ около Путивля и Кромъ.

А ужъ наступила зима.

Начались морозы.

Въ тѣ времена на Руси былъ такой обычай, что ратные люди, уходя на войну, ни жалованья, ни прокормленія себѣ не получали. Всякій промышлялъ самъ за себя, кормился, какъ Богъ пошлетъ.

Не было тогда у ратныхъ людей и палатокъ, а ночевали они тоже какъ придется: гдѣ можно было, строили шалаши, либо рыли землянки, а гдѣ нельзя —такъ и ложились прямо на снѣгу, подостлавъ подъ себя войлокъ.

Да у всякаго ли еще и войлокъ былъ!

Отъ холода-ли, отъ недостатка-ли въ пищѣ, или отъ чего другого, въ царскомъ войскѣ начались болѣзни...

Гдѣ ужъ тутъ было воевать!

Писали воеводы въ Москву и о болѣзняхъ, и о томъ, что кормовъ достать негдѣ и жить приходится въ снѣгу. Только Годуновъ другое думалъ:

— Измѣнили мнѣ воеводы!

Воеводы-то ему еще не измѣнили, а ратные люди дѣйствительно уходили по ночамъ потихоньку и въ Путивль, и въ Кромы... Не отъ однѣхъ болѣзней таяло царское войско: много и отъ болѣзней умирало ратныхъ людей, много ихъ числилось и въ бѣгахъ.

Да и среди командировъ, сотниковъ и тысяцкихъ, тоже пошелъ ропотъ: на кого ихъ послали? Съ кѣмъ воевать заставили—съ истиннымъ прирожденнымъ царевичемъ...

Бѣгали изъ русскаго стана простые солдаты къ самозванцу, бѣгали и кто повыше... И, можетъ быть, воеводы сами-то и рады были бы хоть сейчасъ идти приступомъ на Кромы или Путивль, да боялись.

Сидятъ пока спокойно ратные люди по своимъ землянкамъ, а вели бить тревогу—можетъ, и не пойдутъ, въ открытую станутъ кричать, что не Годуновъ имъ нуженъ, а Дмитрій царевичъ.

IV.

Ни къ боярамъ, ни къ своимъ воеводамъ Борисъ никогда особой вѣры не имѣлъ... Но были у него въ войскѣ соглядатаи—приверженные люди, какъ среди рядовыхъ ратныхъ людей, такъ и среди командировъ.

Хоть мало ихъ, да были.

Служили они ему въ Москвѣ: за всѣмъ надглядывали, обо всемъ разузнавали,—служили и въ войскѣ.

Пришли къ Борису бумаги отъ воеводъ изъ подъ Путивля, пришли письма и отъ его приверженцевъ.

Тутъ и узналъ Борисъ правду, что дѣлалось у него въ войскѣ.

Читалъ онъ письма—словно въ свою могилу глядѣлъ; холодомъ его обдало.

Все тамъ описано было подробно: и какъ бѣгали ратные люди по ночамъ къ самозванцу, и какъ про него говорили, что не законный онъ царь.

Много за свое царствованіе получалъ онъ всякихъ доносовъ, а такихъ еще не было.

Нашлись въ Москвѣ три человѣка—захожіе монахи. Далъ имъ Борисъ денегъ, далъ яду...

— На-те. Какъ ни можно старайтесь. Отравите самозванца—награжу по-царски...

Велѣлъ онъ имъ идти въ Путивль и какъ-нибудь поддѣлаться къ самозванцу: „мы, де, за тебя въ огонь и въ воду",—а ядъ держать на готовѣ, какъ камень за пазухой...

Только не удалось ему это: монаховъ въ Путивлѣ схватили, и во всемъ они повинились. Тутъ уже еще больше пошелъ про Бориса говоръ: значитъ, мало ему того, что

было въ Угличѣ, значитъ, опять за свое принялся...

Даже какіе раньше за него были, и тѣ стали кричать, что нельзя такому человѣку быть царемъ.

Идетъ онъ въ церковь или въ каретѣ по городу ѣдетъ—снимаютъ люди шапки, земно кланяются, а въ глазахъ такъ и горитъ у каждаго:

— Чужой ты намъ, ненужный.

И хоть по-прежнему ходили къ нему ближніе его люди совѣтоваться о разныхъ дѣлахъ, а ужъ онъ и имъ не вѣрилъ...

Сына своего Ѳеодора сталъ посылать по церквамъ и монастырямъ молиться, а самъ все сидѣлъ съ своимъ астрологомъ.

Водили къ нему во дворецъ и разныхъ ворожей и гадалокъ...

Тринадцатаго апрѣля онъ скоропостижно скончался, одни говорили, что отъ удара, а другіе, будто раздумался онъ про то, какъ все сразу повернулось противъ него и отравился: выпилъ яду.

Послѣ смерти Годунова ближніе его бояре объявили царемъ сына его, Ѳеодора.

Привели и народъ къ присягѣ.

Во время присяги все обошлось спокойно, а потомъ опять потихоньку заговорили:

— Какой это царь? Нашъ царь исконный, прирожденный въ Путивлѣ...

Былъ у Бориса Годунова близкій другъ, бояринъ Басмановъ. Это онъ сидѣлъ въ Новгородо-Сѣверскѣ воеводой, еще когда самозванецъ только силу пробовалъ... Не дался Басмановъ ему въ руки: отстоялъ городъ.

Только то было одно время, а теперь— другое.

Послалъ новый царь Ѳедоръ Басманова опять воевать съ самозванцемъ.

— Служилъ ты моему отцу, послужи теперь и мнѣ.

Собрался Басмановъ, поѣхалъ къ войску. Прежде всего сталъ приводить ратныхъ людей къ присягѣ. Тутъ и пошелъ шумъ: „не хотимъ цѣловать крестъ Борисову сыну!“

Одни присягали, другіе нѣтъ.

Началась сумятица... Присягали десятками, а отъ прясяги отказывались сотнями.

Басмановъ, хоть и считался другомъ Годунова, а видитъ—въ войскѣ расколъ, и сейчасъ, того и гляди, начнется мятежъ—взялъ и написалъ письмо Самозванцу...

Хороши ему были Годуновы, пока кругомъ нихъ тоже все хорошо было. Тогда онъ за нихъ стоялъ. А теперь понялъ: осталось только одно званье отъ Годуновыхъ, идетъ на нихъ буря, все развѣетъ...

Писалъ онъ Самозванцу:

„Теперь вижу я, что Богъ покаралъ насъ и мучительствомъ Борисовымъ, и боярскимъ

нестроеніемъ, и бѣдствіями Борисова царствованія за то, что Борисъ не по праву держалъ престолъ, когда былъ истинный наслѣдникъ. Отнынѣ я готовъ служить тебѣ, какъ подобаетъ.

Передался самозванцу главный воевода, пошли за нимъ и другіе командиры. А про рядовыхъ ратныхъ людей и говорить нечего: они первые и шумъ подняли, что не хотятъ больше служить Годуновымъ.

Только воеводы—князь Телятевскій и князь Ростовскій да съ ними немного ратныхъ людей не отступились отъ Ѳедора и бѣжали въ Москву.

Тамъ они разсказали про Басманова.

Настали Годуновымъ послѣдніе дни... Всѣ отъ нихъ отшатнулись. Даже тотъ, на кого была надежда, Басмановъ, теперь шелъ противъ нихъ вмѣстѣ съ самозванцемъ.

И по всей Руси всякаго званія люди кричали:

— Будетъ съ насъ Годуновыхъ! Нашъ царь законный и прирожденный—Дмитрій царевичъ...

Въ концѣ мая самозванецъ занялъ Тулу.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого въ Москвѣ начался мятежъ. Московскіе жители ворвались во дворецъ съ топорами и саблями.

Сестру Өедора, Ксенію, пожалѣли, оставили въ живыхъ, а самого Өедора и его мать убили.

Самозванецъ должно быть и правда самъ вѣрилъ, что онъ истинный Дмитрій царевичъ.

20 іюня онъ вступилъ въ Москву. Когда онъ увидѣлъ кремль, онъ снялъ шапку и заплакалъ.

Кто былъ къ нему поближе, слышалъ, какъ онъ говорилъ:

— Господи! Благодарю Тебя, что Ты сподобилъ меня увидѣть городъ моихъ отцовъ.

Въ Москвѣ и сейчасъ еще называютъ *городомъ* улицы и площади, находящіяся около Кремля за Китайской стѣной.

Городъ по старинному—это огороженное деревянной или каменной стѣной мѣсто, гдѣ стоитъ царскій или княжескій дворецъ..

Все равно, какъ если-бы кого-нибудь младенцемъ еще увезли на чужую сторону, и потомъ пріѣхалъ онъ на родину и свой дворъ увидѣлъ — тоже и Дмитрій: считалъ онъ себя царевичемъ и, значитъ, выходило—Кремль ему былъ все одно, что свой домъ, гдѣ онъ родился и гдѣ жили его дѣды и прадѣды.

Можетъ, онъ притворялся, да только нельзя такъ притворяться. Разсказываютъ— глядя на его слезы, и многіе изъ народа плакали.

Долго плакалъ онъ также у гробницы Грознаго.

Всѣ это видѣли.

Теперь ужъ и какіе были въ сомнѣніи— повѣрили: значитъ, это такъ, значитъ, дѣйствительно онъ настоящій царевичъ, сынъ царя Ивана...

Какъ находились при самозванцѣ, конечно, знатнѣйшіе московскіе жители, князья и бояре, то былъ тутъ и князь Шуйскій.

Считалъ князь себя первымъ изъ первыхъ на Москвѣ. А тутъ видитъ: человѣкъ ужъ совсѣмъ простого званія, безъ роду и племени, а золото на немъ и бархатъ, и кричитъ народъ:

— Это нашъ царь!

Кому другому, а Шуйскому—то хорошо было извѣстно: нѣтъ въ живыхъ Дмитрія царевича. Когда убили царевича въ Угличѣ, Шуйскаго посылали туда на розыски... Самъ Годуновъ посылалъ.

Закричалъ бы Шуйскій: „не Дмитрій это царевичъ, а невѣдомо кто! Знаю я, что царевичъ убитъ“—но какъ закричишь?

Кланялся и онъ тоже сомозванцу, какъ другіе, и къ рукѣ подходилъ.

А самъ думалъ:

— Погоди, время свое возьметъ.

Былъ онъ человѣкъ богатый, много бы-

ло у него дворни, и даже состояли на службѣ какіе побѣднѣй изъ дворянъ.

Откуда это взялось, сначала никто не могъ додуматься, а только не успѣлъ самозванецъ осмотрѣться какъ слѣдуетъ въ Москвѣ, а ужъ то тамъ, то тутъ стало слышно:

— Дмитрій-то царевичъ убитъ и похороненъ, я это бродяга — монахъ, Гришка Отрепьевъ. Сговорился онъ съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ обратить русскихъ въ католическую вѣру, для того и назвался царевичемъ.

Кое-кого схватали, повели на допросъ.

— Что за люди?

И тутъ все и выплыло наружу: князя Шуйскаго люди...

Взяли и самого его подъ стражу и тоже допрашивали, а послѣ того судили.

Не самозванецъ судилъ,—сами же бояре.

А самозванецъ отъ суда отказался. Говоритъ: „какъ хотятъ бояре, такъ пусть и будетъ.

И присудили Шуйскому отрубитъ голову.

Ужъ и къ плахѣ его привели, ужъ и палачъ за топоръ взялся, да тутъ скачетъ изъ дворца гонецъ.

— Остановить казнь!

И бумагу привезъ отъ самозванца: помиливать Шуйскаго отъ смерти и сослать его вмѣсто того на поселеніе въ Вятку.

Въ скорости самозванецъ же и вернулъ его опять въ Москву и при себѣ оставилъ въ приближенныхъ. Думалъ ли онъ, что черезъ такую милость Шуйскій станетъ ему свой человѣкъ, или и на самомъ дѣлѣ не помнилъ зла—нельзя сказать... Онъ, какъ сдѣлался царемъ, въ первую голову сейчасъже отдалъ приказаніе: всѣхъ, которые при Годуновѣ были въ ссылкѣ или сидѣли въ тюрьмахъ—изъ тюремъ освободить, а изъ ссылки—пусть ѣдутъ опять по своимъ мѣстамъ или куда хотятъ.

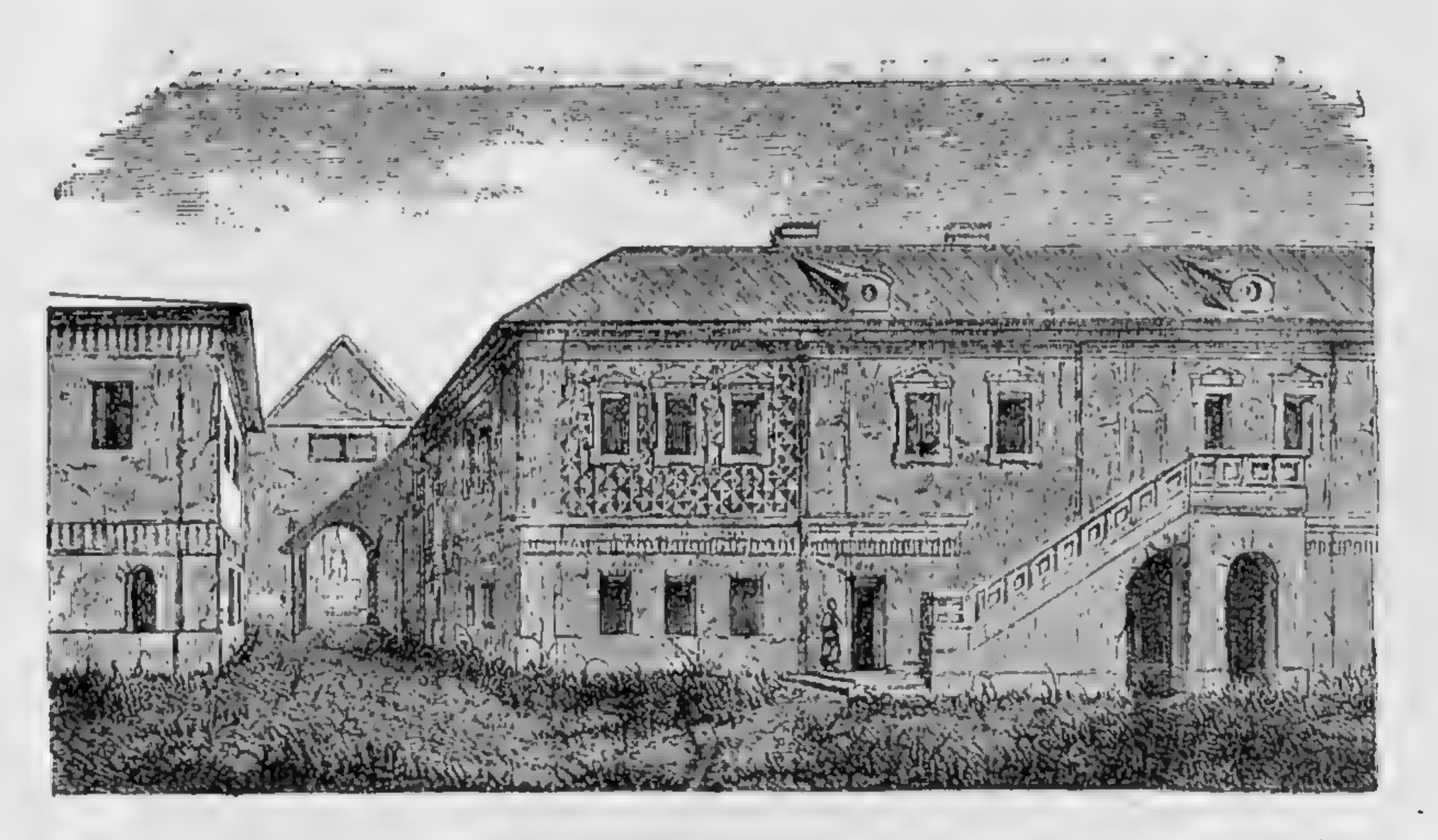
И всѣмъ, у кого при Годуновѣ дома и имѣнія были отобраны, вернулъ.

Изъ братьевъ Романовыхъ въ живыхъ тогда были только Ѳиларетъ Никитичъ да Иванъ Никитичъ.

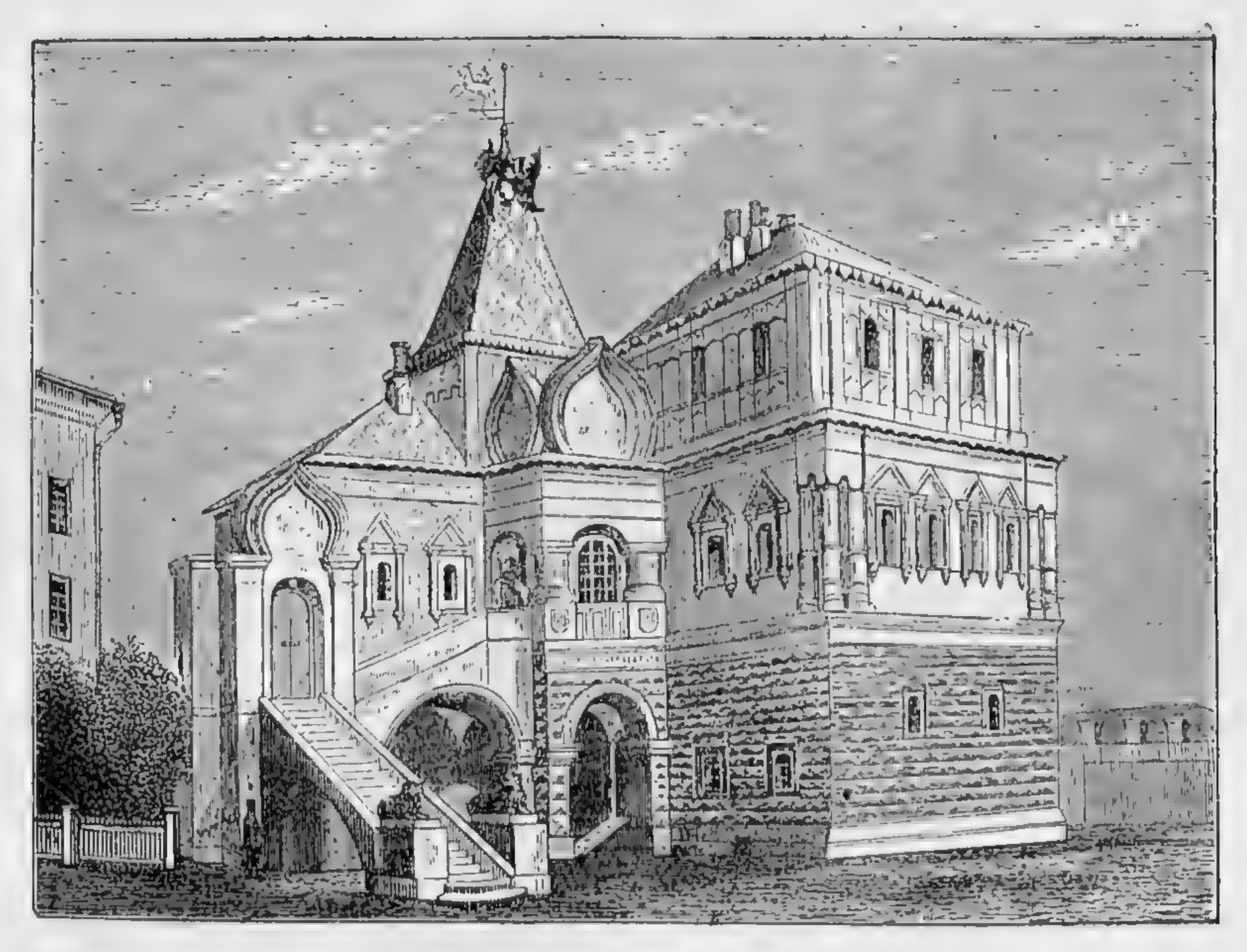
Ѳиларета Никитича, какъ былъ онъ монахъ, самозванецъ сдѣлалъ архіереемъ въ Ростовѣ, а Ивана Никитича при себѣ думнымъ бояриномъ. Сынъ и дочь Ѳиларета Никитича остались при матери... Ее, какъ извѣстно, Борисъ Годуновъ тоже велѣлъ постричь въ монахини. На жительство послѣ ссылки она выбрала себѣ Ипатьевскій монастырь около Костромы.

Даже кости тѣхъ Романовыхъ, что умерли въ ссылкѣ, вышелъ отъ царя приказъ—привезти въ Москву.

Князь Шуйскій и послѣ Вятки не унялся.

Палаты царя Михаила Ѳеодоровича въ Ипатьевскомъ монастырѣ.

Домъ бояръ Романовыхъ въ Москвѣ.

Ипатіевскій монастырь.

Сначало было засмирѣлъ, выглядывалъ и высматривалъ: съ чего начать.

Не такой онъ былъ человѣкъ, чтобы такъ-таки—надъ тобой всенародно надругались, на плаху послали, а ты это забудь, добромъ помяни...

Что самозванецъ всѣхъ бояръ, которыхъ Годуновъ въ заточенiи держалъ, освободилъ и опять землями надѣлилъ—это хорошо.

А не хорошо, что, какъ онъ жилъ у поляковъ, то и самъ не то что ополячился, а, напримѣръ, считалось тогда въ Москвѣ грѣхомъ ѣсть телятину, а онъ ѣлъ. Послѣ обѣда обыкновенно всѣ ложились спать, а онъ этого не любилъ. Возьметъ, да и уйдетъ изъ дворца.

И ходитъ одинъ по улицамъ. Увидитъ мастерскую какую-нибудь — туда. Совсѣмъ какъ и не царь. Въ мастерской на чемъ сѣсть? Пододвинетъ обрубокъ, сядетъ, съ мастеровыми разговариваетъ. Да и не одно это.

Не видать и не слыхать до тѣхъ поръ было въ Москвѣ, чтобы ратнымъ людямъ дѣлали примѣрныя сраженiя, по нынѣшнему—маневры.

Онъ и на это не поглядѣлъ: велѣлъ выстроить земляную крѣпость... Одни ратные люди въ крѣпости, другiе—на полѣ.

Значитъ, одни обороняютъ крѣпость, а другимъ нужно ее взять.

И пусть бы ратные люди сами защищались и сами брали, а онъ стоялъ-бы гдѣ нибудь въ отдаленіи и глядѣлъ... То то и дѣло, что нѣтъ; всегда самъ вездѣ первый. Идутъ ратные люди на крѣпость приступомъ:.. шумъ, крикъ, толкотня — и онъ тамъ-же. Да еще впереди всѣхъ, да еще въ азартъ войдетъ, больше другихъ кричитъ.

Ничего этого раньше на Руси не было.

Поглядятъ, поглядятъ на него и простой-то народъ, и какіе состояли при немъ бояре — развѣ это царское дѣло?

Вспоминали царя Ѳедора Іоановича. Ужъ на что тотъ добръ и простъ былъ, а чтобы одному по улицамъ ходить съ простыми людьми, Богъ знаетъ съ кѣмъ время проводить — не было этого... И ни при комъ не было...

Если случалось въ прежніе времена Московскимъ царямъ бывать на народѣ, кругомъ нихъ обязательно—свита: князья, бояре, разные чиновные люди...

И на царѣ брилліанты, и на боярахъ тоже брилліанты, и въ золотѣ всѣ, въ серебрѣ, въ бархатѣ.

А тутъ вотъ что вышло: заходилъ къ какому нибудь слесарю или мѣднику человѣкъ, на половину по польски одѣтъ, на половину по русски — и не видно, чтобъ изъ очень богатыхъ... А потомъ оказывается: царь это Дмитрій Ивановичъ.

Тоже была за нимъ и такая ошибка: одѣвался по польски.

Теперь ужъ у насъ всюду пошло нѣмецкое платье, а въ старое время, хоть лѣтъ пятьдесятъ назадъ, приди кто въ деревню въ пиджакѣ—такъ и скажутъ: жуликъ.

Польша тогда ужъ все переняла отъ нѣмцевъ, отъ французовъ, отъ другихъ.

А у насъ еще жили по старинѣ.

Вотъ и глядятъ московскіе люди: чего самый что ни на есть простой человѣкъ не сдѣлалъ бы: не вырядился бы по заграничному, а царю и это дай сюда.

Да мало того: пришли конечно съ самозванцемъ и поляки, которые съ нимъ были. Стали они своевольничать, стали тоже—въ Москвѣ свои обычаи,—а они по своему.

Люди спятъ или Богу молятся, а у нихъ пѣсни, музыка, пляска.

Тутъ опять и начались отъ Шуйскаго подкопы, стали его дюди мутить народъ: дождались царя! Онъ-то и бродяга, онъ-то и вѣроотступникъ, и поляковъ нагналъ въ Москву, и на полькѣ-же жениться хочетъ.

Пріѣхалъ въ Москву, дѣйствительно, и Мнишекъ съ дочерью Мариной.

Можетъ, опять у Шуйскаго ничего не вышло бы, потому что сначала это дико всѣмъ казалось, что царь и одѣвается по заграничному и по улицамъ какъ простой

человѣкъ ходитъ, а потомъ ничего—стали понемногу привыкать.

Стали говорить:

— А гдѣ такую доброту найдешь: князя Шуйскаго, ужъ на что лучше: онъ ли его не бранилъ—про все забылъ, въ приближенные къ себѣ поставилъ.

И вотъ еще что самозванецъ сдѣлалъ: зарокъ себѣ далъ не проливать крови своихъ подданныхъ. Знали въ Москвѣ и про это.

Тоже и награждалъ онъ многихъ, денегъ не жалѣлъ.

У кого какая бѣда, дворъ ли сгорѣлъ, хлѣбъ ли не уродился—всѣ къ нему шли, и всѣмъ отъ него помощь...

Велѣлъ было Шуйскій своимъ людямъ: „срамите самозванца какъ ни есть хуже... Старайтесь"... Тѣмъ это привычное дѣло, Гдѣ соберется народъ, сейчасъ и они тутъ.

— Да развѣ это царь? Бѣглый онъ монахъ, разстрига.

Только ихъ мало кто слушалъ.

Еще ихъ же бывало и били за такіе слова.

Одно къ одному: объявилъ самозванецъ, что не станетъ своихъ подданныхъ казнить смертью, и тутъ же—указъ отъ него: тѣмъ крѣпостнымъ, которыхъ помѣщики не ста-

нутъ кормить въ голодные годы, давать вольную...

Годуновъ закрѣпилъ крестьянъ за помѣщиками, а онъ хоть этого Годуновскаго распоряженія не снялъ, а все таки правильно разсудилъ: отступился отъ своихъ крѣпостныхъ въ голодный годъ, значитъ, и совсѣмъ отступился.

Хвалилъ его народъ и за это.

Одного только Москва не могла ему простить: для чего онъ поляковъ при себѣ держитъ, да еще гдѣ—въ самомъ Кремлѣ. И мало того, что поляки въ Кремлѣ и дневали, и ночевали, а бывало—звонятъ въ кремлевскихъ церквахъ къ утреннѣ или ранней обѣднѣ, а у нихъ гулянье: и пѣніе, и пляски, и музыка.

И онъ тоже самъ съ ними.

Напролетъ всѣ ночи до утра пировали.

Пріѣхалъ Мнишекъ съ Мариной, скоро и свадьба была, а тутъ же скоро и конецъ всему пришелъ.

Хотѣлъ было Шуйскій народъ поднять—ничего не вышло...

Многое прощали самозванцу за его доброту. Добротой своей онъ и держался.

Шуйскій тутъ и придумалъ: разъ ночью выѣхалъ на конѣ верхомъ... Въ одной рукѣ—крестъ, въ другой мечъ. И кругомъ него тоже какіе на коняхъ, какіе пѣшіе слуги его.

Велѣлъ Шуйскій ударить въ набатъ.

Сбѣжался народъ.

Видятъ—князь Шуйскій. Всѣ его знали... Обступили.

Все ужъ онъ напередъ распредѣлилъ, кому что дѣлать. Самъ съ народомъ сталъ говорить, а приближенныхъ своихъ послалъ по тюрьмамъ выпустить колодниковъ, дать имъ оружіе и вести въ кремль, схватить самозванца.

Говоритъ народу:

— Собираются поляки извести царя, смерти его предать.

Всполошилась вся Москва.

Объ томъ ужъ и не думали, что царь не по-царски, какъ раньше цари жили, живетъ: все забыли, кинулись въ дома, гдѣ полякамъ было отведено помѣщеніе...

Немного тогда ихъ осталось въ живыхъ.. Били ихъ дубинами, саблями, топорами— что кому подъ руку попалось.

А Шуйскій скомандовалъ своимъ за собой идти.

Въ кремль ихъ повелъ...

Самозванецъ хотѣлъ было бѣжать, выпрыгнулъ въ окно... А высоко было. Сломалъ ногу.

Тутъ его и пристрѣлили.

А потомъ объявилъ Шуйскій народу, что самозванецъ самъ сознался: не царскій онъ сынъ... И будто и царица, мать Дмитрія царевича, отъ него отреклась тоже.

Москва опять осталась безъ царя.

Стали говорить, что нужно созвать соборъ и выбирать царя всей землей съ выборными отъ всѣхъ областей.

А пока до собора, вышли разъ изъ кремля бояре къ народу на Красную площадь. Много ихъ было, всѣ въ сборѣ. Говорятъ бояре:

— Который былъ при царѣ Лжедмитріѣ патріархъ, того мы разстригли. Нужно теперь выбирагь новаго патріарха: съ его благословенія и соборъ для избранія царя созовемъ.

Былъ на площади вмѣстѣ съ боярами и Шуйскій.

Шепнулъ онъ своимъ, чтобы дѣлали, о чемъ онъ съ ними давно ужъ уговорился.

Тѣ и стали кричать:

— Не патріарха, а царя выбирать нужно: царь нужнѣй патріарха! А кому и быть на Москвѣ царемъ, какъ не князю Василію Ивановичу Шуйскому!

Одни закричали, другіе подхватили.

Былъ конечно на площади и разный другой народъ, кромѣ приверженцевъ Шуйскаго, да немного. Тѣхъ было больше.

Вся площадь застонала:

— Шуйскаго! Шуйскаго!..

Были у Шуйскаго и между бояръ близкіе ему люди: напередъ онъ ужъ имъ обѣ-

щалъ: случись, будетъ онъ царемъ, то станетъ царствомъ править не одинъ, а совмѣстно съ ними, съ боярами.

Окружили его бояре, повели въ Успенскій соборъ, и тамъ онъ передъ всѣмъ народомъ клятву далъ: никакого дѣла не начинать безъ боярскаго согласія.

На Руси этого никогда не велось: чтобы царь боярамъ давалъ такую клятву. Московскіе люди сейчасъ ему и названіе дали: полуцарь.

Да Шуйскій на то не глядѣлъ. Чего онъ хотѣлъ, того и добился: сталъ царемъ.

Грамоты по всѣмъ городамъ разослалъ изъ Москвы: всенародно избранъ царемъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій...

И опять пошелъ ропотъ по Русской землѣ: „Какъ же это всенародно? Привелъ своихъ людей но Красную площадь, они и выбирали“...

А въ Сѣверской Украйнѣ Шуйскаго и совсѣмъ никто знать не хотѣлъ. Гулящаго народа въ Украинскихъ земляхъ всегда было довольно. И выискался одинъ, Болотниковъ по фамиліи, бѣглый крѣпостной. На Москвѣ то крѣпостнымъ былъ, а сюда бѣжалъ—сталъ у казаковъ атаманомъ. Смѣлый былъ человѣкъ, отчаянный.

Онъ и пустилъ слухъ: не убитъ царь Дмитрій, а бѣжалъ въ Польшу. Грамоты сталъ

разсылать отъ царя Дмитрія Ивановича, а самъ между тѣмъ подыскивалъ, не согласится ли кто выдать себя за царя. По грамотамъ сталъ къ нему сходится народъ. Конечно, кто ни придетъ, первымъ дѣломъ:

— А гдѣ же царь?

Царя—то и нѣтъ. Только Болотниковъ зналъ, что дѣлалъ.

— Въ Польшѣ царь, вотъ гдѣ, и скоро къ войску будетъ.

Такой у него былъ отвѣтъ.

И какъ собралось у него порядочное войско, самъ же и приказъ написалъ тоже якобы отъ царя—идти войной на Москву.

И пошелъ, точно. И до Москвы дошелъ, да тутъ всему его дѣлу и конецъ насталъ. Разбили его Московскіе воеводы, а вскорѣ потомъ и въ плѣнъ взяли.

Радъ былъ Шуйскій... Думалъ: теперь все утихомирится на Украйнѣ. А на Украйнѣ тутъ какъ разъ и объявился новый самозванный царь Дмитрій. Нашелся таки такой человѣкъ. Согласился нарядится во все царское, и стали украинскіе атаманы, тоже не хуже Болотникова отчаянные люди, показывать его народу.

— Вотъ онъ, царь Дмитрій. Хотѣлъ Шуйскій убить его, да Богъ не попустилъ.

То бывало у Болотникова его люди спрашивали:

— Вотъ ты говорилъ: царь Дмитрій изъ Москвы бѣжалъ. А гдѣ же онъ? почему къ своему войску не ѣдетъ?

А теперь всѣ видѣли: ѣдетъ на конѣ человѣкъ въ золотѣ и бархатѣ, а кругомъ— тоже не хуже его наряжены—разные командиры.

Кричатъ командиры:

— Да здравствуетъ царь Дмитрій Ивановичъ!

Началось все сызнова: зашумѣла Сѣверская Украйна. Какъ же: въ Москвѣ — полуцарь, а тутъ—настоящій царь.

И нѣтъ ему нигдѣ пристанища: нынче— въ одномъ городѣ, завтра — въ другомъ, а послѣ завтра глядишь — въ чистомъ полѣ, или въ лѣсу...

Набралось у самозванца людей еще больше, чѣмъ у Болотникова.

Былъ тогда въ Польшѣ одинъ панъ, Лисовскій. Самъ польскій король приговорилъ его за разбои къ смертной казни... Хотѣли его схватить, по королевскому приказу—не дался, убѣжалъ. Набралъ себѣ шайку тоже вродѣ себя головорѣзовъ. Куда идти? Извѣстно куда:—къ самозванцу.

Тамъ всѣхъ принимали, не спрашивали: кто или откуда.

Пойди самозванецъ войной на Польшу, Лисовскій тоже не отказался бы. Его дѣло

было такое: напалъ и ограбилъ—а на кого напалъ и кого ограбилъ, на то не глядѣлъ.

Много тогда такихъ пановъ съ Польши пристало къ самозванцу... Пришли потомъ со своими отрядами и другіе паны, познатнѣй, не чета Лисовскому: замки свои имѣли и вотчины... Только у кого замки были заложены, у кого долги на вотчинахъ... Значитъ, думали: на войнѣ поправимся.

Стало у самозванца войско во многія тысячи.

Подступилъ онъ къ Москвѣ. Какіе по дорогѣ попадались города, всюду приводилъ народъ къ присягѣ... Опять его всюду, какъ и прежняго самозванца, встрѣчали съ колокольнымъ звономъ, съ иконами и хоругвями.

А чтобы противъ него,—никого не нашлось.

Подъ Москвой на рѣкѣ Ходынкѣ была битва.

Московская рать не допустила самозванца въ Москву. Только и самозванецъ, какъ сталъ послѣ битвы станомъ въ селѣ Тушинѣ, такъ тамъ и остался...

Не отступилъ.

Тутъ изъ Польши опять прибыло къ нему людей: пришелъ польскій вельможа Янъ Сапѣга съ своимъ полкомъ.

Этотъ Янъ Сапѣга тоже вродѣ Лисовска-

го чѣмъ-то провинился передъ королемъ, и тоже судъ надъ нимъ былъ.

Онъ и ушелъ. Набралъ разныхъ гулящихъ шляхтичей, кому дѣлать было нечего— вотъ и полкъ... А онъ полковникъ.

Видитъ Шуйскій: поляковъ у самозванца все больше да больше, взялъ и сдѣлалъ съ польскимъ королемъ договоръ: пусть онъ, король, велитъ полякамъ, которые пристали къ самозванцу, вернутся по домамъ, а русскіе за то воевать съ нимъ не будутъ три года...

Заключилъ значитъ миръ съ королемъ и сейчасъ первымъ долгомъ отпустилъ на волю Мнишка съ Мариной. Въ заключеніи они содержались съ самаго того дня, какъ убили царя Дмитрія, перваго самозванца, Маринина мужа. А вышелъ миръ—значитъ и имъ приказъ: поѣзжайте, куда хотите: вольные люди.

Узнали самозванцевы командиры про Мнишка, что онъ изъ Москвы ѣдетъ—въ погоню за нимъ.

Полякъ онъ былъ, поляки же его и схватили: пана Сапѣги люди. Привели въ Тушино...

Мнишекъ до денегъ былъ жадный человѣкъ, ему и пообѣщали триста тысячъ, да въ случаѣ, если самозванецъ станетъ царемъ, нѣсколько русскихъ городовъ во владѣніе—

пусть онъ только заставитъ дочь признать самозванца за своего мужа.

Будто онъ и впрямь тотъ самый первый Лжедмитрій, съ которымъ ее вѣнчали.

Говорятъ, плакала она долго, а потомъ все-таки согласилась...

Вышелъ новый обманъ... На народѣ они оба показывались, самозванецъ и Марина...

Шуйскій, какъ сказано было, для того заключилъ миръ съ польскимъ королемъ, чтобы король велѣлъ всѣмъ полякамъ, которые были при самозванцѣ, вернуться домой.

Такъ у нихъ и въ договорѣ было сказано, и такой потомъ король приказъ отдалъ.

Только никто изъ поляковъ, приставшихъ къ самозванцу, и не думалъ послушаться. Такъ и остались съ самозванцемъ въ Тушинѣ. Да еще новые пришли изъ Польши полки, со своими командирами, такіе же, какъ Лисовскій: разный сбродъ, отчаянные люди.

На самозванца они и вниманія не обращали; былъ онъ у нихъ, какъ кукла—чтобы показывать народу: вотъ онъ, царь Дмитрій Ивановичъ.

Положимъ, правду-то про самозванца знали одни командиры, да и то не всѣ. Но какъ подобрались въ Тушинѣ между командировъ все больше на образецъ Лисовскаго, то не было въ войскѣ никакого порядка...

Попробуй Шуйскій напасть на Самозван-

ца какъ нибудь врасплохъ, онъ можетъ и отогналъ бы его отъ Москвы. Смѣлости ли у него не хватало, ратныхъ ли людей было мало, или боялся онъ, какъ бы ратный людъ опять, какъ при Годуновѣ, подъ Путивлемъ, не забунтовалъ—только до самой зимы простоялъ самозванецъ въ Тушинѣ, а онъ до самой зимы у себя въ Москвѣ...

Ни одного сраженія не было...

Подобрались у тушинцевъ къ зимѣ запасы, какіе привезли съ собой.

Гдѣ взять?

Стали они сперва по ближнимъ селамъ грабить, а потомъ и по дальнимъ.

Верстъ за пятьдесятъ, за сто и болѣе уѣзжали.

И милость бы, если бы только грабили— а то еще какъ чуть что, сейчасъ за саблю ..

И грабили, и убивали...

А кто въ отвѣтѣ за эти убійства и грабежи?—Главный ихъ предводитель, самозванецъ.

Сталъ говорить народъ:

— Гдѣ же это видано, чтобы царь сталъ разорять свою же землю?

А выходило такъ... Развѣ зналъ кто изъ ограбленныхъ, что тушинцы держатъ при себѣ самозванца только для отвода глазъ?

Понаѣдутъ тушинцы не хуже разбойни-

ковъ, саблями грозятъ, пистолетами въ грудь тычатъ.

— Подавай!

Все тащили: хлѣбъ печеный и въ зернѣ, овесъ, сѣно для лошадей; какая есть скотина, и ту угонятъ.

Какъ же не разбойники?

И стали ихъ въ народѣ звать „Тушинскими ворами"...

Даже, какіе мужики похрабрѣй, сами гдѣ можно начали давать сдачу. Соберутся человѣкъ по пятьдесятъ, по сто, подкараулятъ тушинцевъ—и тутъ ужъ пощады никому не было...

Полякъ ли, запорожецъ ли, донской ли казакъ, или свой же московскій (были въ Тушинѣ и перебѣжчики изъ Москвы)—не глядѣли.

Сказано: „воръ"—чего жалѣть?

Тушинецъ—съ саблей, а на него—съ топоромъ, тушинецъ съ пистолетомъ, а на него съ самострѣломъ.

У мужика какое оружіе? Тогда даже какіе и охотники были, такъ все еще ходили съ самодѣльными самострѣлами.

Однако справлялись.

Въ то время не то, что теперь: гдѣ сейчасъ—болото, тогда было озеро, гдѣ сухо—болото.

А лѣса были—ни пройти, ни проѣхать.

И стали побивать тушинцевъ, то тамъ, то тутъ... Ѣдутъ тушинцы — кругомъ глухо, сосна да ель—лѣсъ. Только звѣрямъ и жить... Ѣдутъ—не смотрятъ.

А они и вотъ они, откуда только возьмутся, кто съ чѣмъ: съ топорами, съ рогатинами съ косами,—что у кого есть.

— Бей воровъ...

Разъ доносятъ тушинцы своимъ командирамъ:

— Нападали на насъ прежде мужики чуть-что не съ одними дубинами, да все больше пѣшіе, да въ лѣсахъ, гдѣ поглушнѣй,—а теперь и конниковъ стало довольно. Да и конники-то видно не мужики: въ панцыряхъ, съ саблями, съ пистолетами...

А хорошо въ Тушинѣ знали, что изъ Москвы на нихъ ратныхъ людей не посылали...

Что за народъ? Что за люди? Кто такіе? Значитъ: —изъ какихъ они?

Пробовали было схватить хоть одного — не даются: знаютъ тушинцы навѣрное—тамъ-то и тамъ-то стоятъ невѣдомо чьи ратные люди, только не свои и не московскіе. Снарядятъ полкъ или два. Придетъ полкъ, куда указано, и видно—были здѣсь недавно: снѣгъ вытоптанъ, отъ костровъ еще остались угли, попробуютъ—горячіе...

Защитники Троицко-Сергіевой Лавры.

Весь лѣсъ обыщутъ кругомъ—нѣтъ никого, ушли. По слѣдамъ кинутся, выѣдутъ на чистое мѣсто, а они вонъ ужъ гдѣ, версты за двѣ, только чуть виднѣются... Панцыри блестятъ на солнцѣ; значитъ—не мужики, дѣйствительно.

А какъ чуть что, зазѣвались тушинцы или мало ихъ, налетятъ, со всѣхъ сторонъ окружатъ...

И рубятся тоже не какъ мужики, и лошади сытые.

Дознaлися наконецъ въ Тушинѣ: не московскіе это люди, а отъ Троицко-Сергіевской лавры...

Была тогда лавра богатѣйшій монастырь, и стояла она какъ разъ по дорогѣ изъ Заволжскаго края.

Всѣ припасы въ Москву шли изъ-за Волги. Тутъ тушинцы и подкарауливали обозы, направлявшіеся въ Москву.

Глядѣли, глядѣли на это монахи, да которые тамъ были ратные люди, да тоже и богомольцы—и выѣхалъ разъ изъ лавры конный отрядъ.

Были въ лаврѣ и изъ монаховъ, которые хоть сейчасъ на коня—прежніе ратные люди. Были тоже и богомольцы изъ ратныхъ, да стрѣльцовъ изъ Москвы Шуйскій прислалъ. Всего вмѣстѣ тысячъ до трехъ было.

Вотъ и принялись лаврскіе за тушинцевъ...

Идетъ обозъ, наскачутъ тушинцы, а лаврскіе—на нихъ... Много мѣшали тушинцамъ.

А потомъ ужъ и въ отъѣздъ начали ходить на тушинцевъ, за нѣсколько верстъ отъ лавры.

Гонятъ тушинцы изъ какой-нибудь деревни скотъ къ себѣ, а лаврскіе ужъ приготовились, ждутъ. Тушинцевъ же и побьютъ. . А найти лаврскихъ,—гдѣ найдешь? Сейчасъ они въ полѣ, а черезъ часъ и слѣдъ простылъ: въ лавру ушли.

Мало-по-малу прошелъ про лаврскихъ слухъ въ народѣ: ловко раздѣлываются монахи съ тушинцами. Стали въ лавру сходиться всякіе люди, и дворяне, и простого званія.

— Примите и насъ.

Совсѣмъ ужъ никому житья не стало отъ тушинцевъ... А видятъ: бьютъ ихъ лаврскіе. Вотъ и шли. И собралось въ лаврѣ порядочно народу.

Про Сапѣгу и Лисовскаго ужъ сказано, какіе они были люди...

Они и уговорились съ самозванцемъ: возьмемъ лавру. Денегъ тамъ много. И деньги отберемъ, да и мѣшать намъ лаврскіе больше не будутъ.

Подступили Сапѣга съ Лисовскимъ къ

лаврѣ, выставили пушки... И фитили у пушекъ горятъ, сейчасъ стрѣлять станутъ.

А кругомъ лавры—стѣна: вышины четыре сажени, а ширины—три.

Вышли монахи на стѣны. Выѣхали и польскіе командиры. Кричатъ командиры:

— Сдайте намъ монастырь, а то все равно камня на камнѣ не оставимъ, разобьемъ изъ пушекъ.

Послали потомъ въ лавру бумагу: „откажитесь отъ Шуйскаго, сдайте монастырь—всѣхъ наградимъ"...

Въ лѣтописяхъ записано, что имъ отвѣтили монахи...

— „Оставить повелѣваете христіанскаго царя и хотите насъ прельстить ложною ласкою, тщетною лестью и суетнымъ богатствомъ! Богатство всего міра не возьмемъ за свое крестное цѣлованіе!

Такой ихъ былъ отвѣтъ...

Всѣ они, лаврскіе: и монахи, и прочіе люди, какіе тамъ были въ самый тотъ день, какъ увидѣли, что идутъ поляки, со всѣхъ сторонъ окружаютъ, клятву дали надъ гробомъ св. Сергія: лучше умереть, а не сдаваться.

Стали поляки стрѣлять изъ пушекъ.

Били-били, нѣтъ — ничего не выходитъ: крѣпки стѣны.

Пошли на приступъ.

Опять — плохо дѣло... И въ лаврѣ тоже на стѣнахъ стояли пушки и пищали, не хуже польскихъ.

Отбили монахи поляковъ. Тѣ уже и лѣстницы съ собой несли, чтобы, какъ подойдутъ, по нимъ взбираться на стѣны.

И лѣстницы побросали...

И, какъ бросились поляки бѣжать, а лаврскіе отперли ворота—въ погоню. Тутъ тоже многихъ перебили. А лѣстницы захватили съ собой: печи топили ими потомъ.

Видятъ поляки: пушки стѣну не берутъ, на приступъ идти тоже только людей губитъ.

— Возьмемъ голодомъ.

Отрядили дозорныхъ:

— Глядите, чтобы ни изъ лавры никто не прошелъ, ни въ лавру...

На счетъ этого у нихъ было строго: часовыхъ, если проглядѣли что, не дали знать начальству—смертью казнили.

И стало около лавры не то что обозу пройти, а и одному человѣку не пройти, не проѣхать ни днемъ, ни ночью...

Поляки думали:

— Запросятъ лаврскіе пощады, какъ ѣсть станетъ нечего.

Были у Сапѣги и Лисовскаго инженеры. Стали инженеры подъ лавру рыть подкопъ, и ужъ порядочно вырыли, и бочки при-

готовили съ порохомъ: въ самомъ подкопѣ ихъ поставили, чтобъ были наготовѣ: когда доведутъ подкопъ до стѣны, тутъ же сейчасъ подъ стѣну и бочки катить.

Только опять вышло не по ихнему.

Лаврскіе сидѣли у себя за стѣной тоже не сложа руки. Какъ ночь потемнѣй,—ужъ знали поляки: нужно глядѣть въ оба.

Бывало, сидятъ сколо костровъ, или поужинавъ спать полягутъ. Вдругъ тревога.

Крикъ, шумъ, пальба.

Что такое?

А это—лаврскіе... Днемъ-то какъ проберешься? А ночью темно, ничего не видать. Они и выходили изъ монастыря.

Поляки-то спятъ, ничего не думаютъ, а они тутъ и есть.

И разъ привели изъ польскаго стана одного плѣннаго.

Стали допрашивать.

Онъ и выдалъ: ведутъ поляки подкопъ, а гдѣ подкопъ, сказать не можетъ, не знаетъ...

Стали Лаврскіе рыть въ разныхъ мѣстахъ около стѣнъ—можетъ, какъ-нибудь нападутъ—нѣтъ, ничего не выходитъ. И не слыхать, чтобъ близко гдѣ подъ землей лопаты или ломы стучали.

Только опять-же разъ ночью привели другого плѣннаго.

Тотъ и открылся: ведутъ подкопъ подъ Пятницкую башню. Стали лаврскіе рыть около Пятницкой башни. Значитъ, поляки копаются подъ монастыремъ съ поля, а изъ Лавры имъ навстрѣчу.

А между тѣмъ и по ночамъ не забывали ходить на вылазки... И тутъ разъ, на вылазкѣ, двое крестьянъ напали на то мѣсто, откуда шелъ подкопъ... Видятъ—яма, они—туда. Влѣзли, а тамъ бочки съ порохомъ...

Что дѣлать? Къ своимъ бѣжать, начальству доложитъ? Да гдѣ тутъ докладывать! Они-то—въ ямѣ, а на верху бой идетъ.

И гляди—сейчасъ лаврскіе и отступать начнутъ. На вылазкахъ народу никогда много не бывало. Много народу—много шуму. А тутъ надо тихо, чтобъ не слыхать и не видать. Вѣдь къ самому польскому стану подходили, гдѣ у нихъ палатки.

Подойдутъ, кого схватятъ, кого зарубятъ и сайчасъ—тѣмъ-же слѣдомъ къ себѣ въ лавру.

Привелъ Богъ крестьянъ къ подкопу, можетъ другого такого случая и не будетъ.

Пропадать—такъ пропадать.

О себѣ не думали...

Скорѣй—скорѣй—сейчасъ трутъ, кремень, огниво... Высѣкли огня да въ порохъ.

Конечно—взрывъ...

Можетъ, тамъ было пороха не пудъ и не

два, а двадцать пудовъ или того больше.

Грохотъ, шумъ, огонь...

Весь подкопъ разворотило и землей засыпало...

И они тамъ тоже... Понятно, и званія не осталось, въ мелкіе кусочки разорвало.

Прибѣжали на шумъ поляки. Вотъ тебѣ и подкопъ! Нѣтъ его. Новый копай.

А ужъ далеко дорылись, почти къ самой лаврской стѣнѣ подвели...

Можетъ, еще день другой—подкатили-бы по подкопу бочки съ порохомъ подъ стѣну. Тогда—пропадай...

Порохомъ не то что стѣны въ четыре сажени, а и каменныя горы рвутъ.

Не вышло у поляковъ съ подкопомъ, думаютъ:

— Ничего, возьмемъ свое...

А въ монастырѣ и правда: какая была провизія—стало скоро подбираться. Народу въ лавру набилось много кромѣ ратныхъ людей—стариковъ, дѣтей, женщинъ...

Были около монастыря посады и слободы, и ихъ отъ лаврскихъ воеводъ приказано было сжечь, чтобы полякамъ негдѣ было прятаться.

Слободы сожгли, а жителей къ себѣ пустили.

Тѣсно было съ самаго начала, а подъ конецъ стало и голодно. До зимы еще кое-

какъ терпѣли: на дворахъ ночевали, около стѣнъ, по сараямъ.

А подошла зима—и запасовъ стало меньше, и тоже пріютиться негдѣ, и топить печи надо.

За дровами все равно какъ на войну ходили... Бывало—и не возвращались. Проберуться въ лѣсъ мимо польскихъ дозорныхъ, начнутъ работатъ, глядь—ужъ и окружили...

Одни рубятъ, другіе бьются съ поляками.

Трудно стало.

По десять, по пятнадцать человѣкъ ночевало въ монашескихъ кельяхъ.

А извѣстно—келья: въ ней и двумъ тѣсно. Сидя да стоя спали.

И начались въ лаврѣ болѣзни: отъ спертаго воздуха, отъ плохихъ кормовъ. Сырость завелась въ кельяхъ, какъ въ погребахъ. А топить нечѣмъ...

Каждый день рыли могилы.

А тутъ еще порохъ подошелъ къ концу...

Жилъ тогда въ Москвѣ лаврскій келарь Аврамій Палицынъ.

Онъ, да еще патріархъ Гермогенъ и выхлопотали у Шуйскаго, чтобы послать въ лавру сколько можно пороху...

Трудно это было, однако далъ Шуйскій Палицыну стрѣльцовъ шестьдесятъ человѣкъ и пороху двадцать пудовъ.

Пошли стрѣльцы. Какъ они черезъ поль-

скій лагерь пробрались, да еще съ поклажей, да еще зимой, по сугробамъ—одному Богу извѣстно.

Однако и порохъ въ сохранности доставили, и сами, какъ вышли шестьдесятъ человѣкъ, такъ шестьдесятъ и пришли.

Къ веснѣ только въ лаврѣ немного полегчало: хоть болѣзни утихли.

И тѣсноты тоже меньше стало, потому что изъ келій спать перебрались на дворы...

Иные можетъ тутъ за все время и выспались въ первый разъ, какъ слѣдуетъ, руки, ноги расправили.

Протянись еще зима, всѣ почахли бы.

Видятъ поляки — ужъ который мѣсяцъ стоятъ подъ лаврой, а нѣтъ, не сдается лавра.

— Дай, въ послѣдній разъ попробуемъ...

Ночью сколько можно тише подобрались къ лаврѣ; иные ползкомъ ползли, въ тряпки сабли обматывали...

Приказъ отданъ былъ у нихъ, чтобы ужъ тихо—такъ тихо, не стукнуло—не брякнуло; ни разговоровъ, ни шуму никакого. Даже лошадей оставили въ лагерѣ. А то еще заржетъ какая.

Только опять напрасно старались.

Всѣ въ ту ночь въ лаврѣ: и монахи, и ратные люди, и женщины, и старики, больные и здоровые всѣ вышли на стѣны...

Еще съ вечера видѣли, что поляки къ чему-то готовятся — значитъ, тоже и сами приготовились.

Выстрѣлила у поляковъ пушка...

Это у нихъ сигналъ былъ: выстрѣлитъ пушка, сейчасъ кидаться на приступъ.

Бросились...

А въ нихъ со стѣны — изъ пушекъ, изъ пищалей, изъ мушкетовъ... Дымъ, огонь...

Однако поляки добрались до стѣны, приставили лѣстницы, полѣзли.

Только вѣдь—четыре сажени!.. Да ты лѣзешь, а въ тебя сверху—каменьями, да каждый-то камень съ мельничный жерновъ...

Нарочно въ тѣ времена въ крѣпостяхъ на стѣнахъ припасали такіе камни. И такъ ихъ и клали, чтобы удобно было столкнуть внизъ. А кромѣ камней всюду еще стояли котлы съ растопленной смолой и сѣрой.

Всю ночь шелъ бой.

Утромъ поляки стали отступать.

Тутъ ужъ пришла очередь лаврскимъ. Одни на стѣнахъ остались — изъ пушекъ бьютъ по полякамъ, которые подальше, а другіе отперли ворота—на заднихъ, какіе къ монастырю ближе, далеко еще не успѣли отойти.

И побили много, и плѣнныхъ еще съ собой привели.

На другой день опять поляки кинулись

на приступъ, и тоже опять пришлось имъ не лучше вчерашняго...

Лили на нихъ сѣру и смолу, камни бросали, засыпали глаза известью.

Какъ не старались,—нѣтъ, видно ничего не подѣлаешь: отступили и тутъ.

А вскорѣ и совсѣмъ ушли изъ-подъ лавры.

V.

Одна только Троицкая лавра и не поддалась полякамъ. Цѣлыхъ 16 мѣсяцевъ стояли подъ ней поляки. Такъ ничего у нихъ и не вышло А какіе были кругомъ Москвы города—Суздаль, Переяславль - Залѣсскій, Вологда, Кострома, Владиміръ, Угличъ — тамъ всюду командовали тушинцы.

Всего присягнуло тушинскому самозванцу 22 города.

Только Шуя да Тверь не хотѣли пустить къ себѣ тушинскихъ воеводъ. Все равно—взяли ихъ приступомъ.

Вышелъ еще бой въ Ростовѣ.

Въ тѣ времена кругомъ города обязательно строились стѣны. Въ Ростовѣ стѣна хоть и была, только старая...

Начни по ней стрѣльбу изъ пушекъ— сейчасъ разсыпется...

Всполошились ростовцы, какъ подступили тушинцы, бѣжать изъ своего города въ Ярославль...

Сумятица поднялась, давка на улицахъ. Тутъ подводы со всякимъ добромъ, тутъ бабы съ ребятишками—городъ большой, народу много...

А распорядиться,—и распорядиться некому. Какъ на пожарѣ. Всѣ бѣгутъ, толкотня, шумъ, крикъ.

А былъ въ Ростовѣ архіереемъ Романовъ Ѳедоръ Никитичъ, въ монашествѣ Ѳиларетъ. Объ этомъ, что его поставили Ростовскимъ архіереемъ, ужъ раньше было сказано.

Онъ и вышелъ къ народу.

— Образумтесь! Не бѣгствомъ, а кровью своей нужно спасать отечество!

По лѣтописямъ именно такъ и сказалъ.

И выискались люди. Не много нашлось, а все таки нашлось.

Заперлись въ соборѣ.

И Ѳиларетъ Никитичъ съ ними.

Всѣ пріобщились и исповѣдались. Смерти ожидали. Ихъ-то можетъ нѣсколько десятковъ, а тушинцевъ тысячи.

Да пристали еще къ тушинцамъ жители изъ Переяславля.

Первые переяславльцы и въ городъ вошли, первые въ соборъ стали ломиться.

Выбили дверь.

Прямо стрѣлять стали. И не поглядѣли, что соборъ.

Тоже и тѣ, что съ Ѳиларетомъ были, сгрудились кругомъ него...

— Живыми не отдадимся.

И не отдались точно: всѣ полегли.

Схватили переяславцы Ѳиларета, облаченія съ него сорвали, одѣли въ лохмотья... Ругались, какъ хотѣли. Озвѣрѣли совсѣмъ.

Потомъ свезли въ Тушино къ самозванцу.

Какъ выдавалъ себя самозванецъ за сына Ивана Грознаго, такъ ужъ этого и держался...

Принялъ онъ Ѳиларета съ почетомъ.

Говоритъ своимъ:

— Кто остались теперь изъ бояръ родичи моему отцу, царю Ивану? Одни Романовы.

Связаннаго привезли въ Тушино Ѳиларета. Самозванецъ и веревки велѣлъ развязать, и ужъ и ругалъ потомъ переяславцевъ.

Конечно, что ему былъ Ѳиларетъ? Чужой человѣкъ. А нельзя. Нарочно на народѣ все дѣлалъ, чтобы всѣ видѣли.

Тоже хитрый былъ, свое всегда помнилъ.

Покорили Тушинцы значитъ и Ростовъ и тамъ тоже привели жителей къ присягѣ.

Теперь не только Сѣверская Украйна, а и вся Русь была ихняя.

Что дѣлать дальше?

На Москву идти боялись. Троицкую Лавру, ужъ на что опытные командиры Сапѣга и Лисовскій—и то взять не могли.

Стало-быть и объ этомъ тоже нечего думать.

А извѣстно, какой они были народъ: хоть и не дорожные разбойники, а и отъ нихъ тоже не далеко ушли.

Во всѣхъ городахъ воеводами сидѣли либо ихніе же, тушинскіе, либо какіе изъ прежнихъ воеводъ, которые имъ передались.

Значитъ, своя рука владыка.

И пошли они ужъ не то что по деревнямъ грабить, а и на монастыри, какіе побогаче, стали нападать.

Всюду денегъ требовали.

А не давали — расправа короткая: либо пуля въ лобъ, либо за саблю: голова долой.

Тоже и пытали: жилы вытягивали, надъ огнемъ внизъ головой вѣшали.

Кричатъ:

— Давай!

А что давать?

Давать нечего. Давно все обчистили. Съ

иконъ даже ризы сдирали, а самыя иконы рубили на дрова.

Сначала, какъ они около Москвы хозяйничали, про нихъ только и было слышно подъ Москвой. Да тогда, если кого и обижали, такъ больше по деревнямъ — мужиковъ.

А стало имъ голодно подъ Москвой, пошли дальше, да все съ тѣмъ же: „давай“ и — пистолетъ ко лбу. Вездѣ заговорили:

— Истинно это воры и душегубы.

Многіе деревни совсѣмъ обезлюдѣли. Куда дѣвались жители, и не сыщешь: какіе побиты, пострѣлены, порублены, какіе разбѣжались.

Случалось, такъ-таки ни за что убивали. Иному стрѣльнуть хочется — онъ и смотритъ нѣтъ-ли гдѣ кого?

Увидитъ — прицѣлился, хлопъ.

Какъ же было не бѣжать!

И бѣжали, куда глаза глядятъ, только бы голову унести

Дошло до того: волки и медвѣди стали заходить въ брошеныя деревни, норы тамъ рыли, въ ометахъ берлоги дѣлали. По лѣсамъ валялись человѣчьи кости, въ черепахъ птицы гнѣзды вили...

Стало хуже, чѣмъ въ голодные годы при Борисѣ Да и отъ голода тоже умирали многіе.

Бѣгутъ люди отъ тушинцевъ,—а куда бѣжать? Въ лѣсъ, въ трущобу. А что тамъ найдешь? Зимой-то и жолудей нѣтъ.

Шуйскому подождать-бы немного — можетъ все само собой сдѣлалось: поднялся-бы народъ на тушинцевъ.

Только видитъ онъ: нѣтъ ему нигдѣ удачи.

Правда, подъ Москвой бывали съ тушинцами битвы, и случалось и били ихъ—а они все стоятъ, гдѣ утвердились.

И на Москву не идутъ, и прочь не уходятъ

А были тогда у польскаго короля съ королемъ шведскимъ большіе нелады. Шуйскій и попросилъ у шведскаго короля, чтобы помогъ ему прогнать изъ Россіи поляковъ... Къ тому времени въ тушинскомъ войскѣ почти и остались одни только поляки. А какіе пристали къ самозванцу русскіе—всѣ разбѣжались.

Именно слѣдовало бы подождать. Тушинцамъ и такъ пришелъ бы конецъ.

Но опять же боялся Шуйскій, какъ-бы и самъ Польскій король со своими коронными полками не пошелъ на готовое. Россія и такъ вѣдь ужъ вся была за поляками, вездѣ распоряжались тушинцы, Сапѣга, да Лисовскій, да другіе паны. Значитъ, приходи и владѣй.

Подбавь король къ тушинцамъ ужъ не какъ они, бѣглые люди, а настоящаго войска—вотъ и конецъ.

И Москву взяли бы...

Какъ бы и правда не вздумалъ польскій король итти на Москву—боялись и шведы.

Если-бы поляки завладѣли Россіей, значитъ, стала бы Польша куда сильнѣй Швеціи...

А были они, какъ уже сказано, короли Шведскій и Польскій, въ большихъ неладахъ между собою.

Прислалъ Шведскій король Шуйскому пять тысячъ солдатъ. И генералъ съ ними былъ—Делагарди.

Пять тысячъ, конечно, не много, да тутъже собралась и русская рать.

Надъ шведами начальникъ былъ Делагарди, а надъ русскими—царскій племянникъ, Скопинъ-Шуйскій. Плохо тутъ пришлось тушинцамъ.

Стали Скопинъ съ Делагарди отбирать у тушинцевъ городъ за городомъ.

Хорошъ былъ шведскій командиръ, а царскій племянникъ—истинный герой, вездѣ билъ тушинцевъ... Бывало и больше у тушинцевъ народу,—все равно не глядѣлъ... И не какъ другіе воеводы—издали распоряжаются—самъ въ бой ходилъ.

И всегда—впереди.

После первой же победы надъ тушинцами отложились отъ самозванца одинъ за другимъ сразу несколько городовъ.

А рязанцы—такъ видятъ, какой удалецъ Скопинъ—прислали къ нему выборныхъ отъ всехъ своихъ волостей просить его, что не одни они, а и другіе города и области хотятъ его хоть сейчасъ царемъ вместо дяди.

Только Скопинъ и говорить не сталъ съ ними.

Этого и въ мысляхъ не имелъ, чтобы итти противъ дяди.

Не о томъ онъ тогда думалъ.

Билъ онъ тушинцевъ и опомнится не давалъ. Разъ было подъ Калязинымъ... Стоялъ тамъ Скопинъ лагеремъ. Доносятъ ему: идутъ на Калязинъ тушинцы, силы несметныя...

Послалъ узнать, верно ли? Действительно, такъ оказалось. Идутъ тушинцы—не полкъ и не два—тысячи.

Тутъ ему, которые при немъ находились воеводы, каждый свое: одинъ — отступить надо, другой—окопы рыть, третій—за помощью посылать.

Не сталъ онъ ихъ слушать... А молодой еще былъ, всего 23 года, горячій...

Сейчасъ—на коня.

Велелъ въ трубы играть, въ барабаны бить.

Повелъ войско тушинцамъ навстречу.

На рѣкѣ Жбанѣ битва вышла.

И били же тутъ тушинцевъ... Бѣжали они вмѣстѣ со своими командирами и пушки побросали.

Такъ и всюду: плохо отъ него приходилось тушинцамъ.

Будь бы въ тѣ времена у Шуйскаго деньги, какъ при прежнихъ царяхъ, еще лучше бы все обернулось.

А денегъ не было. Въ томъ и бѣда.

Прошла про Скопина слава: такой воинъ—по всему свѣту искать,—и стали ему: первое, купцы Строгоновы — денегъ прислали и при томъ еще на свой же счетъ снарядили ратниковъ... Потомъ и другіе, какіе побогаче, люди, стали давать отъ себя. Тоже и по монастырямъ лежали большіе капиталы.

Жертвовали и монастыри.

А по городамъ жители собирали въ складчину, кто что могъ.

Все ему несли.

— Распоряжайся, какъ знаешь.

Тутъ и поправился Скопинъ ужъ какъ слѣдуетъ. Деньги есть—значитъ и все есть: лошади, пушки, порохъ.

А охочихъ итти на тушинцевъ было теперь сколько угодно; только давай, съ чѣмъ итти...

И подступилъ ужъ Скопинъ къ Тушину. Вдругъ—и не ждалъ и не думалъ—слышитъ: осадили поляки Смоленскъ...

И пусть бы тушинскіе поляки. Не то дѣло.

Какъ Шуйскій думалъ, такъ и вышло: пошелъ на него войной польскій король.

Былъ въ Смоленскѣ воеводой Шеинъ. Тоже подъ стать Скопину: смѣлый и знающій.

Кинулись поляки на приступъ, отбилъ онъ ихъ. Обложили они городъ со всѣхъ сторонъ, а между тѣмъ послали въ Тушино бумагу: приказано отъ короля всѣмъ, которые есть въ Тушинѣ поляки, итти на службу къ королю...

Зашумѣли тушинцы.

Жили они въ Тушинѣ—сами себѣ господа, доведись взять Москву—и самозванца своего короновали бы и, значитъ, числился бы онъ царемъ, а они, какъ и въ Тушинѣ, распоряжались бы всѣмъ царствомъ.

Одни кричатъ:

— Идемъ туда-то и туда-то!

А другіе:

— Нѣтъ—къ королю.

Самозванецъ видитъ—дѣло плохо: уйдутъ поляки къ королю, съ чемъ онъ останется?..— Одѣлся мужикомъ и потихоньку сбѣжалъ изъ Тушина.

Тоже и тушинцы: что имъ безъ самозванца дѣлать подъ Москвой?

То хоть, бывало, выѣдетъ самозванецъ на конѣ передъ войскомъ: вотъ онъ —прирожденный царь московскій! За него и стараемся.

А теперь—гдѣ царь?

Самъ сбѣжалъ. Значитъ, и Москвы ему не надо.

Поспорили, поспорили тушинцы, видятъ— какъ ни глянь, а уходить надо.

Не послушайся они королевскаго приказа, что-бы вышло? Вышли бы они мятежники противъ своего короля. И раздумывать бы король не сталъ: наслалъ бы на нихъ войско. А имъ ужъ и отъ одного Скопина приходилось плохо.

Снялись съ лагеря и ушли.

Ѳиларетъ Никитичъ, бывшій Ростовскій архіерей, какъ привезли его изъ Ростова, такъ все время и находился при тушинцахъ.

И его тоже тушинцы съ собой взяли.

До самого Смоленска стало теперь чисто отъ тушинцевъ.

Шеинъ покамѣстъ держался въ Смоленскѣ, только тоже тяжело ему приходилось. И думалъ Шуйскій послать ему въ помощь племянника, только тутъ вышло темное дѣло.

Можетъ, это и правда, можетъ и нѣтъ... Какъ и у Годунова, тоже и у Шуйскаго были свои доброхоты: всюду подслушивали, какъ говорятъ про царя.

А сталъ ужъ въ народѣ разговоръ:

Вотъ бы кого намъ царемъ: не дядю, а племянника...

Рязанцы-то не зря тогда къ Скопину посылали пословъ.

Разъ былъ Скопинъ на крестинахъ у князя Воротынскаго, это ужъ послѣ всего: какъ и тушинцы ушли, и самъ Скопинъ ужъ со своимъ войскомъ находился въ Москвѣ... И, поднесла ему кума вина или меду. Выпилъ онъ и тутъ же въ обморокъ упалъ.

Привезли его безъ памяти домой, а черезъ нѣсколько дней онъ умеръ.

Пошелъ слухъ: отравили Скопина—если не самъ Шуйскій, такъ либо братъ его, либо ближніе бояре подговорили куму у Воротынскихъ подсыпать ему въ питье яду...

Будто гадатель какой-то предсказалъ Шуйскому, что послѣ него царемъ будетъ человѣкъ съ именемъ Михаилъ.

А Скопина какъ разъ и звали Михаиломъ.

И черезъ то его отравили. Умеръ Скопинъ—кого теперь послать подъ Смоленскъ на выручку къ Шеину? И придумалъ Шуйскій: брата пошлю. Велѣлъ ему снаряжаться. Собрался царскій братъ—тутъ новая бѣда.

Ѳиларета Никитича тушинцы силой увели въ Польшу — а были въ Тушинѣ тоже московскіе жители и тоже знатныхъ родовъ, которые пошли въ Польшу своей охотой.

Передались они самозванцу съ самаго еще начала, когда онъ только что объявился, да такъ за него и держались.

Думали: тушинцы—сила, рано или поздно Москва будетъ за ними, тутъ-то мы и поцарствуемъ.

До послѣдней минуты вѣрили: не можетъ этого быть, чтобы ничѣмъ не кончилось.

Значитъ, плохо впередъ глядѣли.

Ушли изъ Москвы тушинцы, и имъ тоже, хочешь не хочешь, а какъ безъ нихъ остаться? Куда кинешься? Въ Москву— такъ тамъ развѣ помилуютъ?

Пошли за тушинцами.

Своего, однако, все-таки забыть не могутъ: какъ бы это хорошо вышло, еслибъ сталъ самозванецъ въ Москвѣ царемъ. И надумали: напишемъ польскому королю челобитную якобы отъ всей русской земли, что не хотятъ больше русскіе люди ни самозванца, ни Шуйскаго, а просятъ къ себѣ на царство его, королевскаго, сына, королевича Владислава.

И былъ съ ними дьякъ Грамотинъ.

Написалъ онъ челобитную. Подали.

А король радъ.

Можетъ, онъ и не вѣрилъ, что это они челобитную сочинили ото всей Россіи, и скорѣй всего, что не вѣрилъ—только и виду не показалъ.

Очень благодарилъ челобитчиковъ, говоритъ; будетъ сынъ мой царемъ, вамъ около него—первое мѣсто.

А тѣмъ то и надо. Изъ-за того и бились.

Отрядилъ король воеводу Жолкѣвскаго итти съ войскомъ подъ Москву.

Пошелъ Жолкѣвскій.

По дорогѣ грамоты разсылалъ: долженъ быть на Руси царемъ королевичъ Владиславъ.

Можетъ, и пожалѣлъ теперь Шуйскій племянника, да поздно было.

Плохой былъ царскій братъ полководецъ, да и ратные люди такъ ужъ и знали про него: отравилъ Скопина.

И за то не любили.

И было еще въ московскомъ войскѣ много новобранцевъ. У Скопина-то и новобранцы не портили—обучалъ онъ ихъ военному дѣлу и тоже обходился съ ними, хоть и вельможа самъ, по-просту.

Крикнетъ въ битвѣ, чтобы не отступали, и не отступаютъ. Лучше умрутъ.

А тутъ и полководецъ-то нелюбимый, и войско-то необученое. Нагнали людей, только и слава, что много. А какой въ нихъ толкъ? Идутъ они къ Смоленску, а навстрѣчу Жолкѣвскій.

Разогналъ Жолкѣвскій московскую рать, немного времени спустя и къ Москвѣ подошелъ. И остановить некому.

Даже въ самой Москвѣ было войско—прямо отъ сохи.

А ужъ про другіе города и говорить нечего.

Никакого почти тамъ и не было войска.

Прискакали къ Шуйскому гонцы, доносятъ:

— Близко поляки!

А еще черезъ короткое время:

— Тушинцы опять собираются.

Про тушинцевъ онъ было ужъ и думать забылъ... А тутъ выходитъ: и съ поляками бейся, и отъ тушинцевъ опять нѣтъ покоя.

Дѣло такъ вышло.

Былъ хоть тушинскій самозванецъ не чета первому Дмитрію, который думалъ, что онъ истинный царевичъ, однако сейчасъ сообразилъ:

— Ужъ если Москвѣ придетъ нужда выбирать новаго царя, такъ я, хоть и самозванецъ, и зовутъ меня въ народѣ тушинскимъ воромъ, а все же православный. А польскій королевичъ, первое — родомъ полякъ, а второе—католикъ. Значитъ, его, тушинскаго вора, и выберутъ.

Откуда что взялось,—собралась около него опять цѣлая рать. Сапѣга пришелъ, казаки пришли, еще разный сбродъ. Много народу сошлось.

И сейчасъ имъ отъ самозванца приказъ:

— Какъ я есть прирожденный русскій царевичъ, а вы мои вѣрные слуги,—не попустимъ такого срама, чтобы въ Москвѣ царемъ сидѣлъ полякъ и католикъ.

Забили въ барабаны, заиграли въ трубы, пошли.

Не доходя верстъ пятнадцать до Москвы, остановились въ селѣ Коломенскомъ.

Тутъ видятъ москвичи: что такое за Божеское наказаніе — разоряли, разоряли тушинцы русскую землю, теперь, значить, опять все обернулось по прежнему.

Да еще не нынче—завтра, такъ и жди, королевскія войска подойдутъ.

Пошелъ ропотъ. Стали кричать:

— Это ужъ у насъ такой царь несчастливый. Нужно свесть Шуйскаго съ престола и выбрать новаго царя, только не тушинскаго самозванца и не королевича польскаго, а своего, изъ боярскихъ родовъ, который познатнѣй.

А нужно сказать, находились и около тушинца тоже еще кое-кто изъ москвичей.

И придумали они: вызвали изъ Москвы выборныхъ людей, завели разговоръ, будто и сами они видятъ теперь, что тушинецъ не царевичъ, а самозванецъ, и отъ него вся смута.

Говорятъ выборнымъ людямъ:

— Да и Шуйскій—какой онъ царь? Кто его выбиралъ на царство! Одни его пріятели. Давайте вотъ что сдѣлаемъ: вы сведите съ престола Шуйскаго, а мы вамъ выдадимъ тушинца. А потомъ сообща и царя выберемъ.

Выборные говорятъ:

— Хорошо...

На томъ и клятву другъ другу дали.

Вернулись выборные въ Москву, а ужъ тамъ и безъ нихъ все готово. Всѣ кричатъ:

— Долой Шуйскаго!

У выборныхъ и въ мысляхъ тогда не было, что такое съ ними затѣваютъ тушинцы. Послали они къ Шуйскому стрѣлецкій нарядъ съ боярами, да по дорогѣ къ нимъ еще изъ жителей много пристало...

Шуйскій было, когда обступили его, за ножъ схватился... Кричитъ на одного боярина:

— Какъ ты смѣешь?

Ничего не помогло.

Вывели его изъ дворца и отвезли подъ стражей въ прежній его домъ.

Послали выборныхъ опять къ тушинцамъ.

— Мы свое дѣло сдѣлали, свели Шуйскаго съ престола, давайте теперь намъ самозванца на расправу.

Тутъ все и открылось.

— Не дадимъ—говорятъ имъ тушинцы. Это вы хорошо сдѣлали, что развѣнчали Шуйскаго: онъ незаконный царь. А закон-

ный царь у насъ Дмитрій Ивановичъ... Не только не выдадимъ его, а хоть сейчасъ всѣ за него головы сложимъ.

Такъ выборные и ушли ни съ чѣмъ.

Обманули ихъ тушинцы.

Думали тушинцы—не будетъ въ Москвѣ царя, а безъ царя какъ быть? А ихній самозванный царь—вотъ онъ, рядомъ. Его и позовутъ царствовать. Они, конечно, и про то слыхали, что ужъ идетъ на Москвѣ говоръ: надо выбирать новаго царя—и никто больше въ ихняго самозванца не вѣритъ.

А все-таки надѣялись.

Ничего только по ихнему не вышло.

И съ престола въ Москвѣ Шуйскаго свели, и тутъ же скоро въ монахи его постригли, а чтобы на его мѣсто позвать самозванца,— можетъ, и были въ Москвѣ такіе люди, и рады были бы помочь тушинцамъ, да тутъ немного времени прошло — глядятъ москвичи: и польское войско подошло.

Пріѣхали отъ гетмана Жолкѣвскаго послы съ бумагой: „не покоряйтесь тушинцамъ, я васъ отъ нихъ обороню, только признайте вашимъ царемъ королевича Владислава“.

Если бы не этотъ Жолкѣвскій съ королевскими полками, еще неизвѣстно, какъ бы дѣло обернулось...

Можетъ, тушинцы и спрашиваться не стали бы: силой захватили бы Москву.

А тутъ задумались. И близокъ локоть, да не укусишь.

А Жолкѣвскій — посла за посломъ: признайте королевича Владислава...

Сталъ было московскій патріархъ Гермогенъ говорить и боярамъ, и народу: „не надо намъ царя католика, выберемъ своего православнаго“ и кого выбрать указывалъ: Михаила Романова.

И тоже многіе за нимъ говорили, что дѣйствительно такъ и надо: Михаилъ Романовъ—внукъ первой жены Ивана Грознаго, стало быть родичъ прежнимъ царямъ, и если ужъ кого выбирать въ цари, такъ его...

Только поговорили - поговорили, да и притихли; потому что видятъ: у Жолкѣвскаго и пушки, и войска, и ужъ къ самой почти онъ Москвѣ подошелъ.

И на тушинцевъ тогда не было въ Москвѣ ни войска хорошаго, ни кому вести войско, а ужъ чтобы съ королевскими полками совладѣть, объ этомъ и думать было нечего.

Послали пословъ къ Жолкѣвскому: согласны присягнуть королевичу Владиславу, пусть только онъ не заводитъ на Москвѣ своихъ польскихъ порядковъ.

Скоро все сдѣлалось. Не успѣли тушинцы оглянуться, какъ ужъ слышатъ—присягнула Москва Владиславу королевичу... А еще

немного времени прошло, объявилъ имъ Жолкѣвскій: нечего больше народъ мутить, а лучше ѣхалъ бы самозванецъ на поклонъ къ королю: дастъ ему король во владѣніе какой-нибудь городъ, чтобъ сидѣлъ тамъ смирно и его сыну, королевичу, не мѣшалъ царствовать...

Король-то не самого самозванца боялся, а поляковъ да казаковъ, которые съ нимъ были. Можетъ, онъ и правда отвелъ бы имъ, сколько полагается, земли на всѣхъ, и тамъ бы они и основались. Былъ бы у нихъ самозванецъ вродѣ князя, а они—его дворяне...

Только они развѣ о томъ хлопотали?

Жолкѣвскій имъ—свое, а они—свое: знать не хотимъ ни короля, ни тебя, гетмана Жолкѣвскаго.

Тутъ ужъ что оставалось: собралъ Жолкѣвскій свое войско, да собралась московская рать и пошла сообща на тушинцевъ...

Вышли имъ навстрѣчу и тушинцы, да тутъ — не ждалъ и не гадалъ того самозванецъ—на кого онъ больше всего надѣялся, польскій командиръ Сапѣга, взялъ и передался со всѣмъ своимъ полкомъ на сторону Жолкѣвскаго.

А за Сапѣгой и другіе командиры и солдаты — видятъ, гдѣ-жъ имъ устоять противъ Жолкѣвскаго?.. У того и полки королевскіе, и московсая рать 15 тысячъ, да теперь еще и Сапѣгинъ полкъ.

Плохо дѣло...

Какъ вышли въ поле, сколько ихъ тамъ тысячъ было, такъ всей ратью тутъ же и отложились отъ самозванца.

— Не хотимъ больше Дмитрія-царевича— хотимъ королевича Владислава.

Были у тушинцевъ въ войскѣ казаки, были и русскіе изъ разныхъ подмосковныхъ городовъ, и поляковъ, кромѣ Сапѣгина полка, тоже было порядочно.

И со всѣми ими Жолкѣвскій распорядился, какъ надо.

Русскихъ и какіе захотѣли казаковъ привелъ къ присягѣ Владиславу, а съ поляковъ взялъ клятву, что больше за самозванца они стоять не будутъ—и пусть себѣ идутъ, куда хотятъ.

Тѣмъ все и кончилось... Осталось, можетъ, у самозванца сотъ нѣсколько казаковъ, да русскихъ. Ускакалъ онъ съ ними въ Калугу.

Заперся тамъ въ крѣпости. Самъ своего не бросаетъ. Думаетъ:

Дождусь чего-нибудь опять.

И самъ онъ, и какіе при немъ находились русскіе, хоть и видятъ: и все ихнее войско присягнуло Владиславу, ихъ бросило, и Жолкѣвскій теперь въ Москвѣ первое лицо, ото всѣхъ ему почетъ, а нѣтъ: не можетъ этого быть, чтобы польскій королевичъ долго усидѣлъ на русскомъ престолѣ.

Такъ при этомъ и остались.

Въ Москвѣ, и правда, тоже и въ другихъ городахъ, присягнуть-то Владиславу присягнули, а все-таки шелъ разговоръ:

— Да развѣ у насъ у самихъ некого выбрать въ цари?

Настоящаго спокойствія не было.

Тоже и Жолкѣвскій: обжился въ Москвѣ, завелъ знакомства. Конечно, какъ самъ онъ — вельможа, — такихъ же подобралъ и себѣ: бояръ, князей, другихъ знатныхъ людей.

Пошли пиры, обѣды. Онъ — у нихъ, они у него...

И вызналъ понемногу Жолкѣвскій отъ одного, отъ другого, отъ третьяго: идетъ говоръ въ народѣ—не королевича Владислава было бы выбирать въ цари, а либо Михаила Романова, либо изъ Голицыныхъ кого-нибудь. Думалъ онъ ужъ и за королевичемъ посылать, чтобы въ Москву ѣхалъ принимать царство. А выходитъ, какъ посылать, когда въ народѣ идетъ смута?

Стали совѣтоватся, какъ быть — онъ да бояре, которые съ нимъ сдружились.

И придумали:

— Это правильно, что пора къ королевичу посылать пословъ, звать его на царство — такъ пошлемъ же за нимъ Романова Филарета да Василія Голицына...

Такъ и сдѣлали.

И вышло—будто и честь Филарету и Голицыну, что нарядили ихъ ѣхать за новымъ царемъ, и съ глазъ они долой. А съ глазъ долой, значитъ, и разговоровъ меньше, потише будетъ.

Нужно только сказать правду: жилъ себѣ Филаретъ Никитичъ въ Москвѣ тише тихаго, ни въ какія дѣла не мѣшался.

Тоже и Голицынъ.

Справлялся про нихъ Жолкѣвскій, не мутятъ-ли народъ—ничего не узналъ.

Однако думаетъ:

— Безъ нихъ хуже не будетъ.

Поѣхалъ Голицынъ съ Филаретомъ, да съ ними еще свита, да пять сотъ тѣлохранителей, къ польскому королю.

Ужъ и тогда былъ на Руси слухъ: далъ король въ цари своего сына, да нельзя полякамъ вѣрить, и почему нельзя: не королевича хотятъ поляки посадить въ Москвѣ царемъ, королевичъ будетъ только числиться царемъ, а управлять Русскимъ государствомъ станетъ самъ король... А потомъ поляки и совсѣмъ отстранятъ королевича и объявятъ царемъ отца его.

Какіе города были поближе къ Польшѣ, тамъ прямо такъ и знали: хочетъ польскій король, чтобъ были и Россія, и его государство подъ одной державой...

Поѣхали Голицынъ съ Филаретомъ къ королю, а гдѣ король? Не у себя въ столицѣ, не въ Краковѣ, а подъ Смоленскомъ, съ войскомъ. Сынъ его уже русскимъ царемъ выбранъ,—и городъ Смоленскъ—русскій городъ—его же, королевскаго сына, имѣнье—а отъ короля приказъ: подвести подкопъ подъ Смоленскую крѣпость, взорвать порохомъ, камня на камнѣ не оставить.

А почему такъ? Въ Смоленскѣ, какъ стоялъ онъ у самой почти границы, еще Жолкѣвскій и до Москвы не дошелъ, было все хорошо извѣстно: пообѣщалъ король своего сына въ цари, а на умѣ у него вонъ что: самому стать московскимъ царемъ.

Какъ ужъ сказано, былъ въ Смоленскѣ воеводой Шеинъ. Другіе какіе русскіе воеводы всѣ почти, какъ подойдутъ поляки къ городу, сейчасъ и ворота отворятъ.

— Хотимъ царемъ королевича Владислава!

А Шеинъ, хоть и послалъ король подъ Смоленскъ войско, пожалуй, еще и получше, чѣмъ было у Жолкѣвскаго—куда тамъ отворять ворота—пушки у него были, и народу парядочно, приказалъ прямо стрѣлять по полякамъ.

Жолкѣвскій ужъ и Москву къ присягѣ королевичу привелъ, и всюду въ русскихъ церквахъ поминали королевича на ектеніяхъ,

какъ русскаго царя, а Шеинъ—и приступомъ ходили поляки, и изъ пушекъ били, и подкопы вели—какъ сказалъ: не отдамъ города, такъ на своемъ и стоялъ. Въ него палятъ—и онъ тоже—не поддавался.

До чего дѣло дошло: самъ король пріѣхалъ подъ Смоленскъ и еще съ собой войско привелъ...

Думалъ — увидятъ его солдаты, пріободрятся, орлами налетятъ на крѣпость... Къ приступу велѣлъ готовиться, и чтобы рыли подкопъ.

Тутъ какъ разъ и Филаретъ съ Голицынымъ подъѣхали...

Выслалъ къ нимъ король своихъ вельможъ...

Голицынъ говоритъ:

— Присягнули мы королевичу Владиславу, онъ нашъ царь. Для того мы и посланы: пусть ѣдетъ въ Москву...

Не зря Шеинъ не отдавалъ полякамъ Смоленска.

— Нѣтъ,—говорятъ вельможи,—гдѣ королевичу одному управлять царствомъ, молодъ еще онъ. Присягнули вы королевичу, а теперь присягните и королю. Пусть королевичъ войдетъ въ возрастъ, а пока вашимъ царствомъ будетъ упрявлять нашъ король.

Голицынъ было имъ про Жолкѣвскаго:

— Жолкѣвскій, онъ же вашъ, отъ короля присланъ; чего же онъ молчалъ? Скажи онъ, что король самъ хочетъ въ цари, его и слушать бы не стали.

— Вотъ возьмемъ Смоленскъ—говорятъ вельможи:—да потомъ еще надо тушинцевъ изъ Калуги выгнать, тогда и пустимъ къ вамъ королевича, только сперва присягните королю.

Былъ Голицынъ съ Филаретомъ и у короля—и тотъ тоже:

— Присягните не одному королевичу, а и мнѣ...

Да еще, мало этого: и говорятъ-то съ московскими послами, будто русское государство ужъ ихнее, и распоряжаются они въ немъ, какъ хотятъ... Нужно бы пословъ съ честью принять, а имъ разбили палатки подальше отъ лагеря прямо въ полѣ и кругомъ стражу поставили.

Были при Филаретѣ съ Голицынымъ дьяки, по нынѣшнему—секретари. Написали дьяки въ Москву письмо: держатъ насъ, какъ плѣнниковъ, подъ стражей, и что говоримъ, ничего не слушаютъ, а хотятъ по своему—чтобъ не королевичъ упрявлялъ царствомъ, а самъ король.

Тутъ нужно сказать про Жолкѣвскаго. Это все вѣрно, что послалъ его царь въ Москву, чтобы угвердить Русское государст-

во за королевичемъ, и тогда у него и въ мысляхъ не было самому сдѣлаться московскимъ царемъ. А какъ уѣхалъ Жолкѣвскій, сейчасъ вельможи, которые съ королемъ остались, тоже съ своимъ совѣтомъ:

— Вамъ, ваше королевское величество, нужно короноваться тоже. А сынъ вашъ будетъ царемъ уже послѣ васъ, получитъ въ наслѣдство русское царство, и такъ оно потихоньку и выйдетъ: станетъ Москва, вродѣ какъ теперь Литва, подъ польской державой.

Былъ король человѣкъ слабый: куда вельможи, туда и онъ. Нарядилъ къ Жолкѣвскому гонца: дѣлай поновому, объяви въ Москвѣ, что я самъ хочу на царство.

Догналъ гонецъ Жолкѣвскаго ужъ въ Москвѣ чуть ли не въ самый день, когда московскіе жители присягнули Владиславу.

Прочиталъ Жолкѣвскій королевскій приказъ, глазамъ не вѣритъ. Какъ быть? Все дѣло сдѣлано, значитъ—передѣлывать? Такъ про новое королевское распоряженіе никому ничего и не сказалъ, ни своимъ полякамъ, ни московскимъ боярамъ.

Думаетъ: какъ-нибудь уладится. А былъ онъ у себя въ Польшѣ вельможа изъ первыхъ: и богатъ, и уменъ, и знатнаго рода.

— Отпишу королю, что и думать объ этомъ нельзя, чтобы на Руси его захотѣли признать царемъ.

На томъ и рѣшилъ.

И точно: и королю писалъ, и королевкимъ вельможамъ:—невозможное это дѣло, и кромѣ бѣдъ ничего отъ этого не будетъ. Знаю я теперь достаточно Россію: въ какихъ только городахъ не бывалъ. Образумьтесь.

До послѣдней минуты надѣялся и съ тѣмъ и пословъ, Филарета и Голицына, послалъ къ королю: пусть поглядитъ, хотятъ или не хотятъ русскіе люди его на царство.

И вдругъ—поѣхали Филаретъ съ Голицынымъ—и пишутъ изъ подъ Смоленска: хочетъ король самъ быть царемъ.

Видитъ Жолкѣвскій—одно ему остается: надо самому ѣхать, надо самому говорить съ королемъ.

Снарядился, поѣхалъ.

Конечно, не мало времени прошло, пока отъ Филарета съ Голицынымъ письмо пришло въ Москву, да пока собирался Жолкѣвскій въ дорогу, да пока ѣхалъ. А Смоленскъ все держится. И мины подводили, и на приступъ ходили — ничего не вышло. Не поддался Шеинъ.

Пріѣхалъ Жолкѣвскій, провели его къ королю. Какой тамъ у него съ королемъ былъ разговоръ — неизвѣстно. А только пришелъ онъ отъ короля къ Голицыну и Филарету.—

— Плохо ваше дѣло... Его величество прежде всего хочетъ Смоленскъ взять, по-

томъ тушинцевъ изъ Калуги выгнать, а потомъ ужъ видно будетъ, какъ и что...

Тоже заговорилъ, какъ и другіе поляки...

А послы Московскіе только на него и надѣялись.

И онъ, можетъ, и радъ бы,—и съ тѣмъ и изъ Москвы пріѣхалъ—да какъ поглядѣлъ, послушалъ, что около короля говорятъ, и задумался.

Одному противъ короля, да при немъ вельможъ сколько — какъ итти? Себя губить.

Говорили ему Московскіе послы, что живутъ они при королевскомъ лагерѣ не хуже, какъ плѣнники, и самъ онъ это тоже очень хорошо видѣлъ—только тоже ничего не могъ сдѣлать.

Ужъ порядочно времени спустя, король согласился, чтобы нѣкоторые изъ свиты Филарета и Голицына ѣхали обратно въ Москву—да и то почему согласился? Прикинулись эти, которыхъ онъ отпустилъ: такъ—и—такъ, ничего не подѣлаешь: хочетъ король управлять русскимъ государствомъ, пусть управляетъ.

Король и думалъ:

— Вернутся они въ Москву, будутъ тамъ держать мою сторону.

И отпустилъ.

— Поѣзжайте съ Богомъ.

Пріѣхали въ Москву посольскіе, не стали таить:

— Истинно, это все вѣрно: держали насъ у короля, какъ плѣнниковъ... Вотъ что и вотъ что затѣваютъ вельможи съ королемъ. Королевичъ у нихъ только для отвода глазъ...

А въ Москвѣ и безъ нихъ ужъ видятъ: королевичъ не ѣдетъ,—отецъ не пускаетъ— значитъ, для того не пускаетъ, чтобы самому потихоньку войти во власть... Возьми онъ Смоленскъ, да хоть отъ тушинцевъ и осталось почти что ничего—пойди походомъ въ Калугу—вотъ и захватилъ, значитъ, всю Россію... Да еще въ Москвѣ стоятъ польскіе полки. И выйдетъ подъ конецъ — куда ни кинься, всюду поляки...

И тогда ужъ, хочешь не хочешь, придется дѣлать, какъ прикажетъ король.

Скажетъ:

— Желаю быть царемъ на Руси.

У него сила... Какъ спорить?..

А пока еще держится Смоленскъ, спорить можно. Держится Смоленскъ — и король отъ него не отойдетъ. Стали въ Москвѣ говорить: не хочетъ король отпустить сына въ Москву, значитъ, не къ чему и польскому войску стоять въ Москвѣ—не для кого. А что присягнули королевичу, такъ опять таки, зачѣмъ король отступился отъ своего слова?

Не хочетъ давать сына въ цари—значитъ, и отъ присяги разрѣшилъ.

Тоже скоро еще и вотъ что случилось.

Какъ стало подъ конецъ тушинскому самозванцу плохо — всѣ его бросили, то и завелъ онъ дружбу съ татарами.

Говоритъ:

— Оставили меня мои подданные, такъ погоди-жь—мнѣ теперь все равно: напущу на Русскую землю татаръ, да можетъ еще и турокъ подобью...

Правда ли это, нѣтъ-ли, а только говорили тогда, будто хочетъ онъ итти съ татарами, да которые у него еще остались русскіе и казаки, куда-то въ степи и завоевать тамъ себѣ царство.

Шло у него сначала все хорошо съ татарами, а потомъ начались нелады.

Былъ онъ разъ на охотѣ съ татарскимъ однимъ предводителемъ, и тотъ — остались они одни въ лѣсу, отъ прочихъ охотниковъ отбились—тамъ же въ лѣсу его и застрѣлилъ изъ пистолета.

Кончилась его жизнь — кончилось и его дѣло.

Узнали тушинцы — нѣтъ больше въ живыхъ ихняго главнаго командира, началось у нихъ смятеніе...

Казаки кричатъ—одни: надо уходить, другіе: нѣтъ, не уходить, а оставаться на мѣстѣ.

Да было еще при самозванцѣ немного бояръ московскихъ. Они и дали знать въ Москву:

— Убитъ самозванецъ.

Конечно, свои головы спасали... Пока былъ живъ самозванецъ, не покидали его, думали:

— Подождемъ, можетъ, что и выйдетъ.

А теперь ужъ не на что было надѣяться.

Они и послали гонца въ Москву..

И сами же потомъ вмѣстѣ съ другими московскими людьми пошли въ бой на тушинцевъ.

А тѣмъ ужъ куда биться—дай Богъ хоть живымъ уйти изъ города.

Такъ и прикончилось все...

Разбѣжались тушинцы, кто куда.

Стали въ Москвѣ говорить:

— Отъ одной напасти Богъ избавилъ, нужно теперь и за поляковъ приниматься...

Было въ Москвѣ ихъ, поляковъ, довольно народу. Тоже, конечно, и они, поглядятъ—поглядятъ: послалъ ихъ сюда король съ Жолкѣвскимъ ради своего сына, а теперь говоритъ: нѣтъ, это вы для меня старались... Имъ то все равно, кому не служить: королю-ли, королевичу-ли, но только, какъ стало имъ извѣстно, что король не хочетъ теперь отпустить въ Москву королевича, то и они призадумались.

Знали они—Москва и слышать не хочетъ про короля, значитъ, чтожъ теперь будетъ?

И уйти изъ Москвы нельзя: нѣтъ на то приказа.

Взяли они и заперлись въ кремлѣ. Всюду стражу разставили, пушки вкатили на стѣны.

А ужъ не то что въ Москвѣ — по всей русской землѣ пошелъ говоръ:

— Нельзя вѣрить полякамъ...

Во многихъ городахъ по набату вызывали людей на площадь. Кто былъ посмѣлѣй, прямо говорилъ:

— Нужно прогнать поляковъ, откуда пришли. Они только мутятъ насъ...

Стали русскіе города сноситься одинъ съ другимъ письмами. Тутъ же, на площадяхъ, эти письма и писали...

А Смоленскъ такъ и не давался полякамъ въ руки...

Были у короля въ Москвѣ и изъ русскихъ, которые за него старались,—тѣ, что первые просили у него сына якобы отъ всего русскаго народа на московскій престолъ.

Еще Жолкѣвскій раздалъ имъ въ Москвѣ самыя главныя должности, и тамъ они вмѣстѣ заправляли...

Писалъ имъ король: у васъ опять непорядокъ въ государствѣ. Слышалъ я, ужъ многіе города хотятъ итти противъ меня. Напишите Шеину, чтобы сдалъ мнѣ Смоленскъ, развяжите мнѣ руки. Тогда я сразу все успокою...

Приказъ-то Шеину королевскіе доброхоты изъ Москвы прислали, чтобы сдалъ городъ, да Шеинъ не послушался, снесся тайно съ Голицынымъ и Филаретомъ:

— Какъ быть?

Тѣ и отвѣтили:

— И думать этого нельзя. Пусть сперва король отошлетъ сына въ Москву.

Московскіе доброхоты короля, мало того, что отправили приказъ Шеину сдать городъ полякамъ—еще прослышали они, что въ городѣ Владимирѣ и впрямь тамошніе жители сговариваются противъ короля—не долго думавши, отрядили на нихъ войско тоже съ приказомъ: привесть владимирцевъ въ покорность.

Воеводой въ войскѣ пошелъ князь Куракинъ.

Думалъ онъ вѣрно:

— Отличусь передъ королемъ и передъ королевскими доброхотами.

Легко все это ему казалось, потому что и онъ, и всѣ знали: нѣтъ ни во Владимирѣ, ни въ какомъ городѣ достаточно ратныхъ людей.

Значитъ, чего бояться?

И вдругъ, ни ждалъ ни гадалъ Куракинъ, въ одномъ мѣстѣ, еще не доходя Владимира, обступили его со всѣхъ сторонъ люди, и по одеждѣ, и по говору—свои, русскіе, толь-

ко кричатъ, чтобы отрекся отъ короля и королевича.

И у всѣхъ сабли, ружья, и всѣ въ панцыряхъ—настоящее войско.

Куракинъ своимъ:

— Пали!

Началась битва... И званія не осталось отъ Куракинскаго полка: какихъ его ратныхъ людей побили, какіе разбѣжались, какихъ въ плѣнъ похватали.

Тутъ и стало извѣстно: собираются по своимъ городамъ разнаго званія люди: и купцы, и дворяне, и деревенскіе—всѣ ужъ узнали, какой такой польскій король—и ужъ не только одинъ разговоръ у нихъ, что нужно отдѣлаться отъ поляковъ, а многіе города и оружіе завели, и командировъ выбрали...

И это командиры отъ тѣхъ городовъ со своими ополченіями, напали на Куракина...

Стали поляки, что были въ Москвѣ, доискиваться, кто у ополченцевъ командиры?

И узнали: самый главный—Ляпуновъ, потомъ князь Пожарскій, князь Трубецкой, князь Литвиновъ-Мосальскій, еще кое-кто, все больше знатные люди, и тутъ же съ ними Заруцкій... А Заруцкій раньше служилъ тушинцамъ...

Выходило, значитъ, что къ ополченцамъ вмѣстѣ съ Заруцкимъ пристали и прежніе тушинцы: одинъ онъ зачѣмъ былъ имъ нуженъ?

Послали лазутчиковъ, навели справки: правда — разбѣжались было тушинцы, а теперь опять собираются: имъ все одно, съ кѣмъ не воевать, тѣмъ вѣдь и жили—войной.

И не одинъ Заруцкій присталъ къ ополченцамъ, а тоже и Сапѣга прислалъ имъ письмо. Пишетъ: не хочу я знать ни короля, ни королевича. Служу, кому хочу.

Было всего поляковъ въ Москвѣ тысячъ семь, а знали они тоже отъ лазутчиковъ, что у ополченцевъ положено на совѣтѣ прежде всего приняться за нихъ, итти на Москву...

Бояре, которые держали сторону короля, говорятъ полякамъ:

— А знаете, чье это дѣло? Это дѣло патріарха Гермогена. Онъ все мутитъ.

А у поляковъ и безъ нихъ ужъ давно было подозрѣніе на патріарха. Стали за нимъ присматривать—правду говорятъ бояре: есть у патріарха дѣло съ ополченцами.

Да патріархъ и самъ не сталъ таиться. Взяли его подъ стражу, пришли съ допросомъ:

— Твое дѣло?

А онъ:

— Не мое, а всего народа дѣло. Пусть пріѣдетъ королевичъ въ Москву, да пусть еще приметъ православіе—тогда все и успокоится.

Былъ Гермогенъ дѣйствительно въ переспискѣ съ ополченцами, да и не съ одними ополченцами: всюду разсылалъ письма, во всѣ города, чтобы русскіе люди поднимались на поляковъ.

И объ этомъ тоже дознались поляки. Говорятъ ему:

— Напиши къ ополченскимъ начальникамъ, чтобы распустили своихъ солдатъ по домамъ.

Онъ ужъ и не сталъ таиться...

— Тогда,—говоритъ,—напишу, когда король сдѣлаетъ, что обѣщалъ: пришлетъ въ Москву сына...

Былъ съ поляками въ большой дружбѣ одинъ русскій, такъ тотъ даже ножъ выхватилъ да къ патріарху съ ножемъ.

— Пиши!.. Останови ополченцевъ.

Патріархъ и этого не испугался.

— Убей, а отъ своего слова не отступлюсь: пусть сначала отпуститъ король сына въ Москву...

Такъ отъ него ничего и не добились.

Прошло послѣ того немного времени, доносятъ опять полякамъ ихніе лазутчики:

— Идутъ ополченцы, и ужъ отъ Москвы недалеко.

Стали поляки готовиться... Ихъ всего на всего семь тысячъ, а ополченцевъ вдесятеро—тысячъ до ста... Надо подумать.

Узнали и московскіе жители, что ополченцы близко — стали посмѣлѣй, задирать стали поляковъ... Больше да больше.

Сидитъ разъ главный польскій командиръ у себя въ Кремлѣ. Прибѣгаютъ вдругъ къ нему дозорные—бѣда случилась: въ Китай-Городѣ поляки, и тамошніе жители въ сабли пошли другъ на друга...

Вскочилъ командиръ на коня, поскакалъ въ Китай-Городъ, а тамъ ужъ настоящее сраженіе.

Изъ пистолетовъ, изъ ружей палятъ, саблями рубятся...

— Смирно!

Не слушаются...

Съ небольшого началось, съ простой драки. Поспѣй командиръ во время — ничего, можетъ, и не вышло бы. А теперь—глянулъ командиръ кругомъ, видитъ: со всѣхъ сторонъ бѣгутъ жители...

Въ набатъ ударили...

Послушай солдаты его команду, остановись на минуту—тутъ же всѣхъ ихъ и стерли бы, опомниться не дали бы.

Велѣлъ онъ солдатамъ потихоньку отходить, а между тѣмъ послалъ въ Кремль за подмогой.

Не помогло и это.

Пришла подмога, а у русскихъ тоже народу прибавилось: сбѣжались на набатъ.

Царскій дворецъ въ с. Коломенскомъ.

Да еще откуда не возьмись — кинулись было поляки въ одну улицу, а тамъ и вотъ онъ: ополченскій командиръ, князь Пожарскій, и съ нимъ ратные люди...

Не знали этого поляки, а князь Пожарскій ужъ порядочное время жилъ въ Москвѣ тайно, изъ самихъ москвичей набиралъ ополченцевъ.

Началась тревога—онъ и вышелъ на помощь.

Взяли поляки и подожгли нѣсколько домовъ... А дома въ тѣ времена были въ Москвѣ всѣ почти деревянные... Да еще вѣтеръ поднялся... Живо разгорѣлось.

Видятъ жители: тамъ горитъ, тутъ горитъ — какіе остановились, какіе бросились по домамъ добро спасать, какіе пожаръ тушить.

Поляки сейчасъ — въ кремль, заперли ворота. Пойди, возьми ихъ: стѣна въ кремлѣ высокая, и на стѣнѣ и на башняхъ пушки.

Всю ночь горѣла Москва. Къ утру сталъ было пожаръ утихать. Тутъ вышли опять поляки изъ кремля — тысячъ до трехъ ихъ было—пошли по улицамъ. Опять поджигать стали.

Теперь уже по всей Москвѣ зашумѣло пламя. Жители, гдѣ ужъ биться съ поляками или пожаръ тушить, теперь дай Богъ хоть самимъ уйти изъ огня живыми.

Все побросали: и дома, и имущество, кинулись къ заставамъ вонъ изъ города.

Остался только одинъ князь Пожарскій со своими ополченцами.

Стали стрѣлять въ нихъ поляки, потомъ пошли въ сабли. Видятъ ополченцы: зашатался Пожарскій, кровь течетъ по одеждѣ...

Одни кричатъ:

— Князя убили!

Другіе:

— Ранили князя!

Подхватили его на руки, замертво вынесли изъ города.

Тутъ пришелъ онъ въ себя. Посадили его на лошадь и отвезли въ Троицкую Лавру.

Два дня горѣла Москва.

Черезъ короткое время подошли ополченскіе полки. Какъ уже сказано, было всего ополченцевъ тысячъ до ста.

Обложили Москву со всѣхъ сторонъ.

Тутъ бы и конецъ полякамъ, да началась въ русскомъ лагерѣ неурядица... Главное, не зачѣмъ было принимать къ себѣ тушинцевъ.

Отъ нихъ все и вышло.. Командиръ ихній, Заруцкій, поссорился съ русскимъ командиромъ, Ляпуновымъ. А человѣкъ былъ Заруцкій вродѣ Сапѣги: ему все равно: свой ли, чужой ли—не хорошъ, значитъ—голова долой.

Нарядили было судъ разобрать ихнюю ссору. Да Заруцкому какой судъ? Выхватилъ

онъ саблю и зарубилъ тутъ же при всѣхъ Ляпунова.

Послѣ того у ополченцевъ все пошло въ разбродъ.

А къ полякамъ на выручку подоспѣлъ Сапѣга.

Сначала просился было Сапѣга къ ополченцамъ:

— Возьмите меня, буду служить вамъ, только платите мнѣ и моимъ солдатамъ жалованіе.

Отказали ему ополченцы:

— Не вѣримъ тебѣ, разбойнику!

Онъ и передался полякамъ.

Тутъ еще горе случилось: взяли таки королевскіе полки Смоленскъ...

Подбодрились поляки, а у ополченцевъ все хуже да хуже... Не стало наконецъ никакого порядка...

Какой ужъ тутъ порядокъ, когда сами командиры кидаются другъ на друга съ саблями?

За командирами начались ссоры и у простыхъ ратниковъ.

И хоть въ Москвѣ мало было поляковъ, а какъ подошелъ Сапѣга, ударили они на ополченцевъ съ двухъ сторонъ: изъ кремля королевскіе, а съ поля Сапѣга, ополченцы и совсѣмъ разстроились.

И биться долго не стали... Всѣ разбрелись, какъ овцы. Нужно тутъ сказать, что многіе изъ ополченцевъ еще до этой битвы поушли изъ лагеря, потому что видятъ: казаки Заруцкаго и другихъ командировъ изъ прежнихъ тушинцевъ опять принялись за старое: взялись грабить по сосѣднимъ городамъ и деревнямъ. А остановить ихъ некому. Ляпунова убили, а другіе начальники боятся... Выходитъ, значитъ, у кого вся сила? У Заруцкаго... А какъ при немъ служить, когда онъ, видно, для того самаго и присталъ къ ополченію, для чего служилъ и при самозванцѣ: для грабежа?

Не грабить же русскимъ людямъ съ нимъ вмѣстѣ своихъ. Не затѣмъ они собрались.

Разошлись ополченцы, и остались подъ Москвой одни казаки со своими камандирами: Заруцкимъ и другими.

Только они и не думали воевать съ поляками. Поляки сидѣли въ Москвѣ, а они раздѣлились на небольшіе отряды и пошли разбойничать, какъ и при самозванцѣ...

Тушинцы они были, тушинцами и остались... Не стало опять на большихъ дорогахъ никому ни проѣзду, ни проходу. Горѣли села, горѣли города.

Хозяйничали, какъ хотѣли.

Приставали къ нимъ и поляки не изъ королевскихъ полковъ, а вольные, вродѣ Сапѣги...

Избраніе Михаила Θеодоровича на царство. (Съ старинной гравюры.)

Посмотрѣть тогда на Русскую землю— совсѣмъ ей пришелъ конецъ.

Еще когда ополченскіе полки стояли подъ Москвой, отрядилъ на Русь шведскій король своихъ генераловъ съ большой ратью. Тоже и онъ: видитъ — плохи дѣла у русскихъ— какъ не попользоваться?

Требовалъ онъ себѣ нѣсколько городовъ, и чтобы взяли русскіе въ цари его сына.

Тоже не хуже польскаго короля:

— Нѣтъ у васъ никакого порядка, возьмите моего сына, королевича Филиппа, царемъ—я все успокою: и съ поляками переведаюсь, и тушинцевъ разгоню.

Какъ это устраивалось —неизвѣстно, а только всѣ знали: держатъ поляки патріарха Гермогена подъ стражей, а соберутся въ какомъ нибудь городѣ жители къ обѣднѣ, выйдетъ священникъ на амвонъ, въ рукахъ бумага.

— Письмо отъ Гермогена...

Доходили отъ него письма на Русь и изъ тюрьмы.

Писалъ онъ въ письмахъ:

— Не поддавайтесь ни шведамъ, ни полякамъ... Разстроилось одно ополченіе—соберите другое...

Попало одно Гермогеново письмо въ Нижній Новгородъ, прочитали его въ церкви, а послѣ обѣдни около церкви собралась сходка...

Былъ въ Нижнемъ выборнымъ замскимъ старостой мясной торговецъ Козьма Мининъ.

Говоритъ Мининъ:

— Вотъ вы всѣ тутъ кричите: нужно выручать государство... Когда такъ, пойдемъ въ бой и старъ и младъ. Продадимъ дома, заложимъ дѣтей и женъ и выручимъ родину...

И тутъ же, при народѣ, велѣлъ изъ дому принести какія были у него деньги и дорогія вещи... Даже сказалъ, чтобы сняли съ иконъ золотыя и серебряныя ризы.

— Не гдѣ нибудь, говоритъ, я нажилъ богатство, въ чужихъ земляхъ, а на родинѣ,— родинѣ и отдаю... Была она богата, и мы богатѣли, теперь ее разорили, и намъ грѣхъ таить богатство.

По его примѣру стали сносить на площадь нижегородцы, кто что могъ: посуду, деньги, одежду, оружіе...

А по примѣру Нижняго Новгорода и другіе города тоже стали собирать деньги и присылали къ Минину.

Безъ денегъ нельзя вести войны.

Скоро въ Нижнемъ собралось новое ополченіе...

Начальство надъ ополченіемъ поручили князю Пожарскому.

Весной 1612 г. ополченіе выступило изъ Нижняго. По дорогѣ къ нижегородскому

ополченію присоединились ополченцы изъ другихъ городовъ.

Поляки опять было пристали къ патріарху Гермогену:

— Ты всему виною... Напиши, чтобы Мининъ съ Пожарскимъ распустили ополченцевъ.

Гермогенъ имъ отвѣтилъ:

— Благословляю тѣхъ, которые идутъ для освобожденія Москвы.

Извѣстили поляки и короля:

— Опять идутъ на насъ ополченцы.

Король послалъ имъ нѣсколько полковъ на помощь.

Ополченцы и королевскіе полки встрѣтились недалеко отъ Москвы.

Три дня шла битва. Побѣдили ополченцы, а полякамъ пришлось отступить.

Послѣ этого Пожарскій обложилъ Москву.

Въ Москвѣ у поляковъ припасовъ было мало.

Отъ недостатка пищи начались у нихъ болѣзни, и черезъ два мѣсяца они сдались.

Въ Москву собрались выборные отъ всѣхъ городовъ и единогласно рѣшили:

— Быть на Руси царемъ Михаилу Романову!

Разбить-то королевскія войска Пожарскій разбилъ, а все таки много еще и послѣ того оставалось кругомъ Москвы разныхъ польскихъ командъ.

Да были еще и казацкія шайки, атамана Заруцкаго люди.

По лѣсамъ скитались, по большимъ дорогамъ.

Грабежами жили.

Ныньче здѣсь, завтра тамъ. Какъ волки.

Выбрали въ Москвѣ царемъ Михаила,— прошли объ этомъ слухи и къ нимъ въ лѣса отъ шайки къ шайкѣ.

Зашумѣли казацкіе и польскіе атаманы:

— Что же мы, старались, старались... Царство было польскому королевичу завоевано, а теперь, выходитъ, не нужно ему царство.

Королевичу царство не нужно, а Россіи онъ не нуженъ.

И, разсказываютъ, нашелся одинъ польскій такой лѣсной атаманъ и вотъ что придумалъ:

— Убьемъ Михаила Романова, а тамъ ужъ видно будетъ, что дѣлать. Не будетъ въ Москвѣ царя — намъ опять воля.

Собралъ свою команду:

— Идемъ въ Ипатьевъ монастырь.

Пошли.

А зима была, бездорожье.

Сбились поляки съ пути.

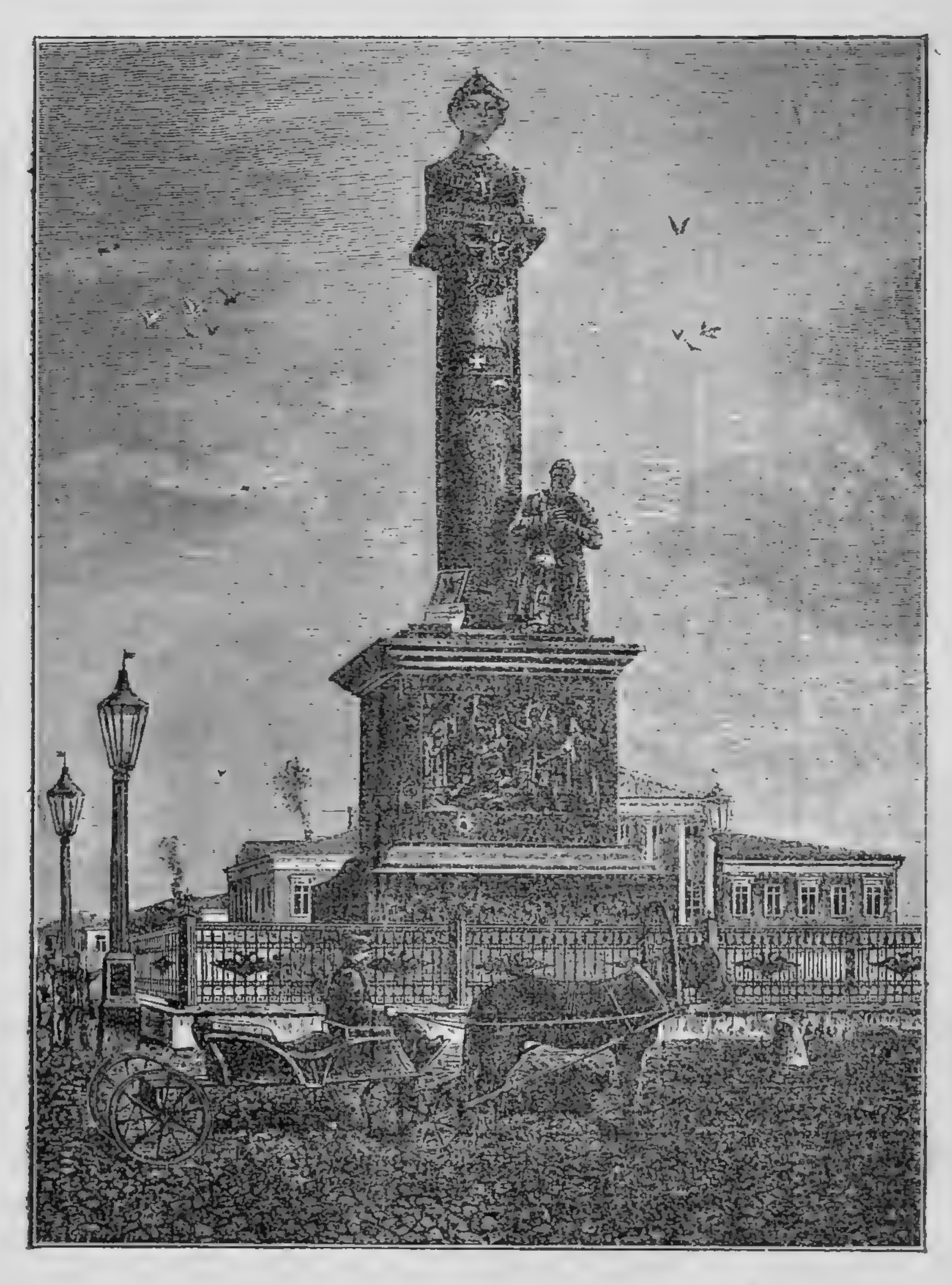
Смотрятъ — навстрѣчу мужикъ ѣдетъ. Остановили:

— Стой! Ты откуда?

Снялъ мужикъ шапку:

Село Домнино Костромской губ.
(Родина Ивана Сусанина).

Памятникъ Ивану Сусанину въ Костромѣ.

— Домнинскій я. Изъ села Домнина.

— А не знаешь-ли, какъ намъ пройти до Ипатьева монастыря?

Поглядѣлъ мужикъ на поляковъ, видить— хороши молодцы: разбойники—не разбойники, а похоже на это.

Михаилъ Романовъ, нужно сказать, въ то время именно жилъ въ Ипатьевскомъ монатырѣ.

Подумалъ, подумалъ, мужикъ..

Зачѣмъ имъ Ипатьевъ монастырь?

Говоритъ:

— Какъ не знать.

— Знаешь?

— Знаю, говоритъ,—и давайте хоть самъ васъ туда сведу.

— Ладно, пойдемъ.

Водилъ, водилъ ихъ мужикъ. Ночь подошла.

Смотрятъ поляки,—лѣсъ кругомъ. И итти больше некуда. Однимъ словомъ трущобы.

То было говорилъ мужикъ:

— Сейчасъ вотъ дорога будетъ, сейчасъ выйдемъ.

А тутъ и замолчалъ.

Они было къ нему:

— Ну, что же ты? Гдѣ твоя дорога?

А онъ:

— Воля,—говоритъ ваша,—и самъ ничего не разберу.

А потомъ и признался:

— Нарочно я васъ сюда завелъ. Далеко отсюда до Ипатьева.

Накинулись на него поляки, въ мелкіе куски саблями изрубили.

Догадался, конечно, сразу мужикъ, для чего имъ Ипатьевъ монастырь, и такъ ужъ и рѣшилъ: пропадать мнѣ все одно. Будетъ съ нихъ, попановали. И мнѣ помереть и это точно, а, они отсюда не выберутся.

Убили его поляки, ходили, ходили потомъ по лѣсу, изъ силъ выбились.

— Плохо дѣло!

Ни дороги, ни жилья.

А морозы стояли. Такъ всѣ и позамерзли, гдѣ какой отъ усталости приткнулся.

Никакихъ про этого мужика въ старыхъ книгахъ и бумагахъ записей не осталось, а только и теперь въ Костромской губерніи знаютъ другъ отъ друга: былъ такой мужикъ — Иванъ Сусанинъ, изъ села Домнина, завелъ поляковъ въ лѣсъ, и тамъ они его и зарубили.

Конецъ.

Цѣна 75 коп.

Изданіе **Н. А. Хорошкевичъ.**

Средняя Прѣсня, Больш. Никольскій пер.,

д. Мельниковой. Телеф. 143-48.

